

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 3–4 (40–41)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Цімафей Нявінскі, Юлія Андрэева

Фота
Юрый Дзядзінкін
Уладзімір Дзюба
Архівы ГА «БАЖ»

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 07.09.2005 г.
Дата выхаду 14.09.2005 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 165.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 223-63-66,
226-70-98
e-mail: abajur@tut.by,
baj@user.unibel.by
<http://www.baj.unibel.by>

Друкарня СП «МЕДЫСОНТ» ТАА
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл: (017) 203-74-10, 203-53-41
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў, прыведзеных
у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Мы непераможныя, калі будзем разам	2
Так пісаліся, братцы, главные абзацы (фоторазворот)	4
Думай о хорошем!	6
Почему власть не хочет слышать?	8
Там, где мы бывали... (хроники)	10
Солидарность журналистов — миф или реальность?	14
Десять лет с правом переписки	16
«Инкубатор» свободы	18
Опера и судьи пишут наши судьбы... (фоторазворот) ..	20
«Пускай безумный наш султан сулит дорогу нам к острогу...»	22
Закат свобод откладывается	26
Слова ад пагодка	27
Творчая брама	30
АБ'ЕКТЫЎна (фотаразварот Ул. Базана)	32
Осознанная необходимость	36
Тюремное просвещение	42
Там немагчыма застацца сам-насам	44
Защити себя сам!	47
Наши в городе. В Москве	50
Згадкі пра Ігара Герменчука	53
Лучшая награда — друг живой и рядом (фоторазворот)	56
Як беларускія журналісты літоўскі спецназ перамаглі	58
Лайфики	62

«МЫ НЕПЕРАМОЖНЫЯ, КАЛІ БУДЗЕМ РАЗАМ»

10 гадоў «з лейкай і бланкатам» кожны з нас крочыў сваім шляхам. Мінаючы цэнзурныя пасткі, самавольства чыноўнікаў, арышты, суды, галадоўкі, ссылкі на «хімію». Але ўсе разам мы ішлі да свабоды. Не губляючы прафесійнай годнасці і веры, захаваюшы памяць пра Дзіму Завадскага і Вераніку Чаркасаву.

Напярэдадні 10-годдзя ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» мы гутарым з яе кіраўніком Жаннай Літвіной.

Цырымонія ўручэння прэміі імя Сахарава «За свабоду думкі». Прэзідэнт Еўрапарламента Йозэп Борэл Фантэль віншуе Беларускаю асацыяцыю журналістаў і Жанну Літвіну. Страсбург. 12 снежня 2004 г.

— Дзесяць гадоў для жыцця чалавека — надта вялікі тэрмін. Для дзейнасці няўрадавай праваабарончай грамадскай арганізацыі, асабліва ў сённяшніх варунках, гэта таксама вельмі значны адрэзак часу. Хацелася б пачуць пра найбольш выбітныя, значавыя падзеі ў жыцці незалежнай журналісцкай супольнасці.

— Ёсць такі выраз — год за тры. Як у паўночных рэгіёнах, у «гарачых» кропках... Думаю, мае калегі з поўным правам могуць сказаць,

што мы святкуем не дзесяцігоддзе, а нават трыццацігоддзе нашай прафесійнай арганізацыі.

Узгадваю 1995 год. Гэта быў год вяртання палітычнай цэнзуры і пачатку дыскрымінацыі незалежнай прэсы. Стварэнне арганізацыі было прадиктаванае разуменнем таго, што трэба бараніць не толькі свае прафесійныя правы, але і канстытуцыйнае права грамадскасці на атрыманне ўсебаковай і праўдзівай інфармацыі.

Дзесяць гадоў таму спрагназаваць, што нас чакае наперадзе, было вельмі складана. Тады такіх

жорсткіх механізмаў уплыву на дзейнасць рэдакцыйных калектываў яшчэ не было. Сёння ж мы бачым цэлы арсенал метадаў і прыёмаў удурэння свабоды слова, знішчэння нашай прафесіі.

Напярэдадні юбілею я ўсё часцей вярталася ў тыя часы, калі ўсё пачыналася. І нават для сябе са здзіўленнем адзначыла, што самай першай, можна сказаць, акцыяй БАЖа была заява ў кастрычніку 1995 года. Гэта была наша рэакцыя на адмову «Белсаюздруку» распаўсюджваць незалежныя газеты «Імя», «БДГ», «Народную волю» і на забарону гэтым выданням друкавацца ў Беларусі. Тады мы зрабілі першыя крокі па наладжванні міжнароднага супрацоўніцтва. Сёння нашы партнёрскія сувязі можна лічыць адной з самых яркіх старонак гісторыі Асацыяцыі. Таму што ўсе праблемы, звязаныя са свабодай слова, з існаваннем незалежнай прэсы, выйшлі за межы асобнай дзяржавы. Мы з'яўляемся аднадумцамі і знаходзім разуменне нашых праблем, спачуванне і дапамогу, у першую чаргу, з боку Міжнароднай Федэрацыі Журналістаў, сябрамі якой мы з'яўляемся, і я гэтым шчыра ганаруся, «Артыкула—19», «Рэпарцёраў без межаў», Еўрапейскай федэрацыі журналістаў, іншых арганізацый. Вельмі важна, што ў сённяшняй крызіснай сітуацыі мы не застаемся ў адзіноце.

А радасныя вехі... Іх можна ўзгадваць бясконца. Гэта арганізаваныя намі фестывалі незалежнай прэсы, калі мы збіраліся разам, падсумоўвалі зробленае, ладзілі выставы. Усё было проста шыкоўна.

Але ўжо два гады таму мы, на жаль, замест фестывалю, праводзілі Дзень закрытых газет.

— **Тады прыехала багата журналістаў з далёкага і блізкага замежжа, сяброў грамадскіх арганізацый, маладзёжных суполак. Але, што называецца, патэнцыйных чытачоў было няшмат...**

— Я лічу, што адна з праблем жыцця беларускага грамадства — гэта адсутнасць традыцый свабоды слова. На працягу дзесяці гадоў мы вучыліся гэтым традыцыям і даўно зразумелі, што такое стандарты журналісцкай дзейнасці, што такое правы грамадзянаў нашай краіны на атрыманне неадцэнзураванай інфармацыі. З гэтай прычыны мы ладзілі шматлікія міжнародныя канферэнцыі, дзе пра ўсё гаварылі адкрыта і разам шукалі выйсце са складанай сітуацыі.

— **Апроч усяго, былі неаднаразовыя захады, каб знайсці паразуменне з афіцыйнымі ўладамі адносна заканадаўства ў сферы СМІ.**

— У самым першым варыянце нашага Статута было адзначана, што адным з асноўных кірункаў дзейнасці арганізацыі з'яўляецца абарона юрыдычных, палітычных, сацыяльных, матэрыяльных правоў, свабодаў і інтарэсаў журналістаў і рэдакцыйных калектываў. Тады наша дзейнасць пачыналася з вельмі цеснага супрацоўніцтва з беларускімі парламентарыямі, мы разам імкнуліся зрабіць заканадаўства дасканалым. І нашы прапановы самым сур'ёзным чынам разглядаліся ў Вярхоўным Савеце. На жаль, зараз гэтага няма. Сёння я магу толькі засведчыць, што два гады запар мы афіцыйна звяртаемся да Нацыянальнага сходу, Міністэрства інфармацыі з просьбамі даць нам магчымасць азнаёміцца з новым законапраектам альбо папраўкамі ў Закон аб СМІ. Аднак гэты законапраект дапрацоўваецца абсалютна келейна, зачыненымі дзвярыма. Гэта азначае, што нічога добрага пасля прыняцця гэтага дакумента чакаць не выпадае. Хаця ён павінен быць надрукаваны для агульнага абмеркавання. Тут ужо няма розніцы — дзяржаўная прэса ці незалежная, — гэта наша агульная журналісцкая

справа. Мы павінны прааналізаваць законапраект і накіраваць дэпутатам нашы прапановы да таго, як ён будзе разглядацца ў Авальнай зале.

— **Зразумела, што цалкам святочным гэта інтэрв'ю не атрымаецца. Хаця ў гісторыі БАЖа было дастаткова цікавых падзей і нават перамог. Дзяржаўным чыноўнікам, якія кантралююць дзейнасць СМІ, вельмі не падабаецца тэрмін «зачыстка» інфармацыйнай прасторы. Хаця, на маю думку, ён цалкам адпавядае таму, што зараз адбываецца ў Беларусі.**

— У рэшце рэшт улада дамаглася свайго. З многіх рэгіёнаў краіны цалкам выціснутыя альтэрнатыўныя крыніцы інфармацыі. Гэта неверагодная сітуацыя і свайго роду злачынства ў дачыненні не толькі незалежных журналістаў, але і грамадзянаў маёй краіны, якіх пазбаўляюць адкрытай, зразумелай і неадцэнзураванай інфармацыі. З гэтай праблемай, відаць, мы не хутка справімся. Аднак, азіраючыся на пройдзенае намі дзесяцігоддзе, я ў чарговы раз пераканалася, што мы, як маглі, стрымлівалі гэтае ганебнае вяртанне ў феадальныя часы. І ў маёй памяці застаюцца людзі, з якімі мы пачыналі змаганне за нашу прафесію і прынцыпы дэмакратычнай журналістыкі. Я з удзячнасцю ўзгадваю намеснікаў кіраўніка Асацыяцыі Уладзіміра Глода, Сяргея Давыдавіча Ваганова, Аляся Ліпая. На самым пачатку шмат працаваў Ігар Рынкевіч, які займаўся арганізацыйнымі пытаннямі. Я памятаю развіццё арганізацыі і яе прыход у рэгіён, дзе над стварэннем першых філіяў самаахвярна, з энтузіязмам працаваў Анатоль Гуляеў. Усё было скіравана на яднанне журналістаў.

Тагачасны журналісцкі корпус пачалі раскольваць на дзве палавіны, менавіта тады і нарадзіліся паняткі «чэсныя» і «нячэсныя» журналісты.

Я з усмешкай узгадваю моманты, калі падчас пасяджэнняў праўлення мы абмяркоўвалі прапанову стварыць суд журналісцкай годнасці. Але цікавай знаходкай была ідэя заснаваць дыплом «Гана-

ровы крумкач», які, дарэчы, быў уручаны Дудзінаву, Зімоўскаму, Чайцы ды іншым.

— **Разам з тым БАЖ уручаў ганаровыя дыпломы «За прафесійную мужнасць», «За адданасць прафесіі»... У сваю чаргу, праваабарончая дзейнасць Асацыяцыі атрымала прызнанне даволі аўтарытэтных і ўплывовых міжнародных арганізацый. І гэта заслуга кожнага яе сябра.**

— Безумоўна! Маё жыццёвае крэда — ніколі не здраджаваць сабе, сваім жыццёвым прынцыпам. І я глыбока перакананая, што калі ты аднойчы не здрадзіў гэтым прынцыпам, то за гэта табе ўсё вяртаецца ўзнагародай. Я ведаю, што гэта перакананні і большасці маіх калег. Хаця жыць ім вельмі складана. Сёння адна з самых балючых для нас праблем — адсутнасць рынка працоўных месцаў. Журналісты незалежных выданняў альбо ўжо беспрацоўныя, альбо заўтра з кожным з іх гэта можа здарыцца. І мне вельмі хочацца, каб мае калегі пачулі і зразумелі наступнае. Нават калі разбураюць рэдакцыйныя калектывы, ліквідуюць газеты, закрываюць незалежныя радыёстанцыі, а ты застаешся адданым сваёй прафесіі, то цябе нельга яе пазбавіць, як нельга пазбавіць веры ў Бога.

Я глыбока перакананая, што на сённяшні дзень дэмакратычныя беларускія журналісты ў чаканні. Бо вельмі хутка надыйдзе момант чарговага рэнесансу незалежнай журналістыкі, запатрабаванасці незалежнай прэсы і інфармацыі. Бо хутка людзі будуць шукаць адказу на пытанні: «Што ж гэта з намі адбывалася? Што рабілі з нашай свядомасцю?» Прафесіяналізм журналістаў, як ніколі, будзе запатрабаваны.

У чаканні гэтага мы проста непераможныя, калі будзем разам.

Мы павінны берагчы адзін аднаго, умець своечасова падтрымаць адзін аднаго. Мы ўсё адно дачакаемся моманту свайго прафесійнага росквіту.

*Падрыхтаваў
Уладзімір ДЗЮБА*

Так пісалісь, братцы,

Адкрыццё Першага рэспубліканскага фестывалю незалежнай прэсы.
Лістапад 2000 г.

Мітынг у абарону незалежных СМІ.
П. Шарамет пасля выхаду
з Гродзенскай турмы
19.10.97 г.

Дзмітрый Завадскі, Сяргей Гельбах, Уладзімір Андронаў, Уладзімір Бабарыка (телеаператары: ОРТ, WTN, Рэйтар, 1998 г.)

главные абзацы...

Пратэст супраць закрыцця «Радыё 101,2» і ціску на свабоду слова

*Рэпарцёры.
У народ
і з народам...*

*Аляксей Сіманаў
(Расійскі фонд
абароны
галоснасці) і група
беларускіх
удзельнікаў
прафесійна-
адукацыйнага
семінара*

Думай о хорошем!

Десять лет БАЖу... Даже не верится! Многие общественные организации в наше время столько не живут: или умирают естественной смертью, или их «убивают» — сознательно и методично, придумывая законы, по которым невозможно выжить. В такой ситуации вспоминается Курт Воннегут: «Что самое парадоксальное в человечестве? — То, что, несмотря ни на что, оно выжило и надеется выжить дальше». Этот парадокс вполне применим к БАЖу.

Сергей ПУЛЬША

Даже если власти остановят «Курьер из Борисова», Людмила Отченашенко, Анатолий Удовиченко и их «курьерская бригада» освоят новые маршруты!

За прошедшие десять лет в стране практически уничтожили негосударственную прессу. Придуманы «расстрельные» статьи Уголовного кодекса и искли для газет, в ходу «приостановленные выходы средства массовой ин-

формации» (что само по себе нонсенс — СМИ на то и СМИ, что оно периодическое), некоторые журналисты отсидели на «химии», других выслали из страны, многим не давали информации, душили экономическими метода-

ми и обзывали «нячэсными»... Думаю, что в любой другой стране в таких условиях все бы легли на дно и перестали подавать сигналы. Но не в Беларуси. В Беларуси есть БАЖ. Даже в этих условиях в БАЖе — около тысячи человек.

Главная, на мой взгляд, заслуга БАЖа — это создание атмосферы корпоративной солидарности. Вспомним «доБАЖевские» времена и выпьем за то, чтобы они не повторились.

Вспомним 1994-й, когда разогнали радиостанцию «Беларуская маладзёжная». Возмутились по этому поводу единицы (не считая, конечно, коллектива радио). Вспомним 1995-й, доклад Антончика и «белые пятна» в газетах. Кто вступился за редактора тогдашней «Советской Белоруссии» Осинского? Вспомним, как с поста редактора «Народной газеты» сняли Иосифа Середича. Даже Верховный Совет, органом которого была эта газета, не смог его защитить. Вспомним 1996-й, когда у радио «101,2» нагло отобрали частоту — были обижены миллионы слушателей, но протестовать вышел только коллектив закрытого радио.

Сейчас на судебных процессах в отношении, например, «Народной воли» — десятки журналистов. При малейшем «наезде» на любую белорусскую газету начинает возмущаться половина мира. А кто до БАЖа вообще знал про нашу прессу?

А теперь вспомним БАЖевские времена. 2000 год, «День воли», когда во время массовой акции задержали более 20 журналистов. Именно корпоративная солидарность, которой мы обязаны БАЖу, заставила руководство МВД не только извиниться перед репортерами, но и баньку им натопить.

Вспомним «процессы Маркевича и Можейко», когда столичные журналисты буквально штурмом брали суд, чтобы присутствовать на слушаниях, специально для этого приезжая из Минска. Впрочем, что я говорю — о том, как БАЖ «грел их на зоне» (извиняюсь за блатной жаргон), постоянно следя, чтобы с ними нигде ничего не случилось, — об этом они расскажут сами.

А на скольких судах над журналистами побывали юристы БАЖ Михаил Пастухов и Андрей Бастуец, скольких защищала юридическая служба ассоциации! Думаю, и сами юристы не вспомнят. А ведь до создания этой службы журналистов, особенно в административных делах, не защищал никто.

Впрочем, я и сам попадал под раздачу облыжных обвинений. И считаю, что мы выиграли тот процесс, выиграли его морально. Хотя во имя жизни своего издания согласились на мировую. Но мы доказали игравшему через суд человеку, что он был неправ.

Мы знаем, что нас не удовлетворят в Законе о СМИ. Мы знаем, что есть другой законопроект, который нас, журналистов, устраивает. Мы долгое время пытались доказать это нашим политикам, но они оказались слишком слабы, чтобы это понять. Это уже их проблема. А заслуга БАЖ и прежде всего юридического центра в том, что мы знаем, чего хотим. Ведь знание — сила.

А уж сколько журналистов именно благодаря БАЖу повысили свою квалификацию на различных семинарах и тренингах! Причем отличительной и самой правильной чертой этих занятий было то, что на них приглашались и журналисты государственных изданий. Может, кому-то это и помогло догадаться-почувствовать, что западные стандарты журналистики — со-

всем не то, что советские «средства массовой агитации и пропаганды». Что можно подавать информацию не оценочно, а объективно, не только ссылаясь на собственное видение мира, но и учитывая опыт других людей, которых потому и зовут «экспертами». Что, кроме точки зрения государственных органов, существует и другая, отличная от официоза, и она тоже имеет право на существование. Что в мире

нет деления только на «черное» и «белое».

А «Белорусский Коллегиум» при БАЖе? Сколько молодых людей прослушали курсы по самым разным дисциплинам, включая журналистику!

Помнится, на журфаке мы постоянно жаловались, что в большинстве своем нам преподают теоретики, а не практики, а с тех пор, как они закончили школу советской журналистики, мир изменился, и советской журналистики больше нет. Говорили между собой, что в нашей стране фельетон иногда не отличишь от реальной жизни, а «отчет» — это уже не жанр журналистики, и читать его в газете мало кому интересно... БАЖ изменил направление образования: в «Коллегиуме» преподают работающие журналисты, не приводя академические примеры из Гиляровского, а ссылаясь на свой опыт освещения тех событий, которые студенты тоже переживали и переживают.

Может быть, в том, что программа идеологизации нашей профессии превратилась в филькину грамоту, тоже есть заслуга БАЖ?

Однако самый большой, на мой взгляд, плюс БАЖа — то, что эта организация может себе позволить быть своего рода журналистской «тусовкой», куда можно прийти, покурить, поговорить, спросить совета у маститых коллег — и все это запросто.

Нет деления на «чины» и «низы», а мастера и «подмастерья» равно уважаемы.

БАЖ объединяет журналистов. И это — не «мертвые» слова из устава, он их действительно объединяет.

Так что БАЖ будет жить и развиваться. В этом нет никаких сомнений.

Времена будут меняться, БАЖ останется. И кто бы ни был у власти: красные, черные, белые, голубые, либералы или социал-демократы, коммунисты или олигархи, — БАЖ все равно будет домом и классом, защитным «зонтиком» и объединяющим «абажуром» для журналистов. Любая власть захочет взять прессу под контроль. А задача журналистов прямо противоположная — поставить власть под контроль общества.

А уж с тем опытом выживания, который БАЖ получил за десять лет, он не пропадет даже на Марсе.

Почему власть не хочет слышать?

*Свобода слова невозможна без свободы слуха.
А. Герцен*

На отличную от официальной точку зрения я имею право по действующей Конституции.

Думаю, не открою Америки, сказав, что Александр Григорьевич, мягко говоря, не балует снисходительностью неподконтрольную ему прессу. Об этом, наверное, не было бы смысла вспоминать, если бы не один «нюанс» — власть предпочитает

достаточно взглянуть на платежные ведомости.

Вообще же месячный заработок «честных» (не «голый» оклад) в эквиваленте составляет 300–400 долларов, а то и больше. Средства эти «экспропрированы» из карманов налогопла-

Александр ТОМКОВИЧ

родном благополучии», но порой оправдывают свое лицемерие «чисто человеческим» образом. Надо же, мол, где-то работать, в соответствии с полученной специальностью и дипломом. А что до «установленной» зарплаты... Прилично ли считать деньги в чужом кармане?

О «неприличном», впрочем, лучше иных расскажет Егор Рыбаков — когда выйдет из тюрьмы.

Нелюбовь к правде — понятие «интернациональное». «Интернациональным» получилось и выдворение этой самой правды из Беларуси. Вначале «били» только по своим, то есть по тем, кто родился в Беларуси, но по разным причинам работал на чужую (получилось — российскую) прессу. Посадили Павла Шеремета (в пору «ошмянского кризиса» работавшего на ОРТ), депортировали «космополита» Александра Ступникова (НТВ), заставили сменить регион Леонида Свиридова (РТР)... Дескать, эти уроженцы Беларуси тенденциозно освещали события в РБ.

Затем пришла очередь репортеров с паспортами соседних стран: Павел Селин (Россия), Михаил Подоляк (Украина)... Поляков, особенно в связи с последним межгосударственным конфликтом, не впускают — изгоняют «пачками». Если бы у

слышать лишь то, что ей выгодно. Иначе говоря, только то, что считается «правильным».

«Правильность» хорошо оплачивается. Сегодня журналисты официальных центральных газет получают зарплаты в несколько раз большие, чем коллеги из негосударственных СМИ. Это факт, который не требует особых доказательств, —

тельщиков, среди которых много пенсионеров, заботой о которых так любит гордиться наша власть. Официальные пенсионерские 150 долларов (которые редко кто видел) не сравнимы с теми суммами, которые реально получают рассказчики про «стабильность».

«Честные» прекрасно понимают, что говорят неправду о «на-

властей была возможность подобным образом повлиять на тональность репортажей других белорусских СМИ!

Недавно мне довелось побывать в Глубоком. Красивые места! Поразил рассказ добровольного «гида». Возле райцентра есть памятник убитым фашистами людям. Большинство из них евреи, и памятник построен на еврейские деньги. Скульптор сделал фигуру падающего человека. Некоторое время назад этой скульптуре отрезали ухо. Кто-то «добыл» цветной металл. Случай дикий, но весьма символический: зачем памяти ухо, если нет нужды слышать и делается все, чтобы люди разучились внимать?

Почти десять лет назад много разговоров было вокруг распоряжения не самого сановитого правительственного чиновника, запретившего размещать рекламу в негосударственных СМИ, чтобы не способствовать их финансовому росту. Помнится, президент тогда сказал, что это постановление правильно по сути, но есть вопросы по форме.

Все последовавшие за этим усилия, направленные на экономическое удушение независимой прессы, говорят лишь о том, что делается все возможное, чтобы отличное от официального мнения слышало как можно меньшее количество людей. И вовсе не потому, что альтернативная точка зрения не соответствует истине. Скорее — наоборот.

Огромные деньги «экспропрированы» из карманов налогоплательщиков на модернизацию госпрессы. По сравнению с этими суммами «гранты независимым СМИ», о которых так любят говорить официальные идеологи, выглядят куда как скромно. Как правило, деньги эти (очень небольшие) давались на конкретные нужды, например, на повышение качества фотоиллюстраций в газете. Поэтому восклицания насчет «баснословных» сумм, по меньшей мере, неэтичны. Кстати, о суммах и условиях предоставления помощи официальные идеологи хорошо осведомлены и врут

умышленно. К слову, разве не власть повинна в том, что несколько тысяч долларов кажутся людям очень большими деньгами? И разве не власть вынуждает собирать с миру по нитке голую и обобранную независимую белорусскую прессу, которой — теоретически, по Конституции — предоставлены «равные права и возможности» с изданиями, поддержанными государством?

А теперь маленький пример. В минувшем году УП «Телевизионные информационные сети», являющееся структурным подразделением Мингорисполкома, разослало всем абонентам договоры, согласно которым населению предлагается два пакета телеканалов — так называемый социальный (БТ, ОНТ, Россия, НТВ, ЛАД, СТБ) и полный (БТ, ОНТ, Россия, НТВ, ЛАД, СТБ, ТВ-Ц, М1, МузТВ; Евроспорт,

Discovery, Euronews, Animal Planet, National Geografik, Fox Kids, Hallmark). Заключение договора обязательно, но его можно и проигнорировать. В «жировке» все равно будет «социальный телепакет». Кстати, каналы БТ, ОНТ, Россия, НТВ, ЛАД, СТБ, ТВ-Ц, М1, МузТВ стоят 58 рублей в месяц, остальные — 340. Нетрудно подсчитать, во сколько раз дороже любовь к разнообразной и более свободной информации, но важно не это. Довольно точно проблему сформулировал мой знакомый: «Так ты и за агитпроп платишь?» К сожалению, приходится.

И получается, что власть никого, кроме себя, слушать не желает, а платить при этом заставляет всех. В том числе и тех, которые, по ее мнению, являются «отморозками».

Вопрос — за что?

Там, где мы бывали,

26.04.1996

У дзень дзесятай гадавіны чарнобыльскай трагедыі ў выніку сутыкнення мірных маніфэстантаў з сіламі аховы правапарадку пацярпелі, сярод іншых, шматлікія журналісты, якія выконвалі свой прафесійны абавязак. Карэспандэнт радыё «Свабода» Эдвард Тарлецкі атрымаў сур'ёзную траўму галавы. Быў жорстка збіты міліцыянтамі карэспандэнт польскай «Газеты выбарчай» Цэзары Галіньскі. Сярод пацярпелых — карэспандэнт РТР Леанід Свірыдаў, намеснік галоўнага рэдактара часопіса «Спадчына» Вячаслаў Ракіцкі і інш. Органамі міліцыі былі затрыманьня галоўны рэдактар «Радыё 2» Уладзімір Дзюба і незалежны журналіст Алег Трызна.

1.09.1996

Спынілася вясчанне радыё «101,2» — адзінай незалежнай беларускамоўнай радыёстанцыі ў дыяпазоне FM.

12.11.1996

У Вышэйшым гаспадарчым судзе распачаўся разгляд справы аб закрыцці газеты «Свабода» паводле іску Дзяржкандрэду, які вынес выданню некалькі папярэджаньняў — у тым ліку ў сувязі з публікацыяй «Евангелля ад Лукавага».

23.12.1997

В своей творческой мастерской был жестоко избит кинорежиссер Юрий Хашчеватский. Юрий Хашчеватский известен широкому кругу зрителей прежде всего как режиссер документального фильма «Обыкновенный президент», фактически запрещенного к показу на территории Беларуси. Накануне нападения, 21 декабря, «Обыкновенный президент» был показан по франко-немецкому телеканалу ARTE.

«Когда я пришел на должность, то обещал, что всем СМИ будут предоставлены равные возможности, и полагаю, что, по большому счету, от своего слова не отступил. Силой не закрыта ни одна газета, не подвергся гонениям ни один журналист. Я очень доволен тем, что у нас, в отличие от Москвы, журналистов не взрывают и не бьют. Более того, я всегда буду защищать людей этой уважаемой профессии».

Александр Лукашенко, «Советская Белоруссия», 8.02.1997

10.02.1997

Зроблены стрэл з пісталета па доме галоўнага рэдактара газеты «Свабода» Ігара Герменчука. Куля разбіла шкло ў акне, ля якога журналіст звычайна працаваў.

7.02.1997

МЗС Беларусі абвінаваціла карэспандэнта НТВ у Мінску Аляксандра Ступнікава ў нанясенні рэпартажамі «шкоды прыязным адносінам паміж Беларуссю і Расеяй». У канцы сакавіка А. Ступнікаў быў дэпартаваны з Беларусі.

8.07.1997

МЗС Беларусі пазбавіла акрэдытацыі кіраўніка бюро ОРТ Паўла Шарамета за «тэндэнцыйнае асвятленне падзей на Беларусі».

2.04.1997

Во время разгона протестующих у российского Посольства в Минске жестоко избиты журналисты Ирина Халип, Владимир Давыдовский, Валерий Щукин и многие другие.

Падчас правядзення З'езда **1 сакавіка 1997 года** Беларуская асацыяцыя журналістаў налічвала 159 сяброў, якія прадстаўлялі больш за 60 сродкаў масавай інфармацыі. На сярэдзіну мая 1997 года арганізацыя павялічылася на чвэрць: больш за 200 сяброў ад 72 СМІ.

30.08.1997

Группа журналистов из нескольких независимых изданий — «Имя», «Народная воля», «Товарищ» и других, — переодетых в серые арестантские робы с плакатами на спинах «Я «нечестны» журналист», «Я не люблю уласць», «Я клявтал на пагранічных вайска» и другими прошли по улицам Минска к площади Бангалор, где состоялся митинг протеста против наступления властей на свободу слова.

31.07.1997

Более полсотни белорусских журналистов, а также иностранных корреспондентов, аккредитованных в Беларуси, собрались около здания МИД, чтобы высказать свой протест в связи с уголовным преследованием сотрудников ОРТ Павла Шеремета, Дмитрия Завадского и Ярослава Овчинникова. Были собраны подписи под петицией «Цена свободы слова в Беларуси — личная свобода журналиста». Около здания Администрации президента страны, куда также пришли журналисты с целью передать петицию, сотрудниками милиции было задержано около десяти работников СМИ.

Жыць хочацца, бадай што, як ніколі, тым больш любіць, тым больш, калі вясна, тым больш, калі ў цябе дачка на волі, тым больш, калі ў цябе яе няма...

Славамір Адамовіч, «Амерыканка» — следчы ізалятар КДБ, ліпень 1996 г.

24.11.1997

Спынена дзейнасць газеты «Свабода» — аднаго са старэйшых незалежных выданняў, якое выходзіла накладам у 50 000 асобнікаў.

24–26.10.1997

Выканаўчы камітэт Міжнароднай Федэрацыі журналістаў прыняў БАЖ у МФЖ у якасці асацыяванага сябра.

30.06.1999

ЗАО «Биржи и банки. Белорусская деловая газета» выиграло процесс в Высшем хозяйственном суде. Вынесенное изданию предупреждение Госкомпечати было признано недействительным.

1.02.1998

Праз два месяцы следства закрыта крмінальная справа на супрацоўніка газеты «Имя» Ірыну Халіп. Ёй інкрымінавалася «знявага службовай асобы дзеяннем». Папросту кажучы, Ірына дала поўху следчаму Валянціну Магарылу пасля таго, як ён спыніў крмінальную справу па факце жорсткага збіцця супрацоўнікамі міліцыі журналісткі і яе бацькі Уладзіміра Халіпа падчас масавай маніфэстацыі 2 красавіка 1997 года.

Часто нас бивали...

16.02.1998

Абрабавана рэдакцыя аршанскай незалежнай газеты «Куцейна». Выпуск газеты прыпынены.

25.11.1998

Председатель Витебского областного филиала Союза журналистов Беларуси Л. Крескиян в ультимативной форме потребовал выхода из Союза тех коллег, которые одновременно являются членами БАЖ. В результате идеологической установки только одна недавно вступившая в ассоциацию журналистка обратилась к руководителю регионального филиала БАЖ, чтобы забрать свое заявление о приеме, поскольку, по ее словам, она совершила «политическую ошибку».

20.03.2000

Падчас святкавання 82-й гадавіны Беларускай Народнай Рэспублікі (Дня Волі) у Мінску супрацоўнікі сілавых структур і «невядомыя» людзі ў цывільным затрымалі 35 прадстаўнікоў беларускіх і замежных СМІ.

Нікому з затрыманых не былі паведамлены прычыны затрымання, некаторых журналістаў абшуквалі, усім было забаронена паведаміць пра сваё затрыманне ў рэдакцыі, а таксама сваякам і знаёмым. Рабіліся спробы адзяваць кайданкі. Засвечваліся знятыя фотастужкі.

20.04.2002

В Витебске сотрудники ОМОНа избili Антона Медзвецкого, который распространял посвященный проблемам Чернобыля спецвыпуск газеты «Рабочий».

В августе 2001 года в Москве совершено нападение на корреспондента ТВ-6 Игоря Синякевича. Ему нанесено ножевое ранение, журналист был госпитализирован. В качестве одной из возможных причин нападения называется профессиональная деятельность И. Синякевича: он был причастен к созданию документального фильма об исчезновении известных в Беларуси людей.

22.08.2001

Заблокирована работа частной типографии «Мэджик», в которой печатается 29 изданий, 6 из которых имеют общественно-политическую

27.08.2001

Чтобы разблокировать помещение типографии «Мэджик», директор предприятия Юрий Будько вынужден был подписать приказ о назначении заместителя председателя Госкомпечати Владимира Глушакова исполняющим обязанности директора типографии. Государственный служащий одновременно стал одним из руководителей частного предприятия, что противоречит закону.

31.08.2001

Два спецвыпуска «Предпринимательской газеты» вышли с белыми пятнами.

Дыплом «Ганаровы Крумкач» уручаўся «ў знак асаблівых заслуг перад уладамі, за высокія маральна-ідэйныя якасці, узлёт фантазіі і непаўторнае майстэрства». Сярод намінантаў — Аляксандр Зімоўскі, супрацоўнік Белтэлерадыёкампаніі; Уладзімір Зуеў, супрацоўнік газеты «Знамя Юности»; Святлана Дабрыянік, супрацоўнік Белтэлерадыёкампаніі; Аляксандр Мартыненка, супрацоўнік Белтэлерадыёкампаніі; Яўген Росцікаў, аглядальнік газеты «Рэспубліка»; Ніна Чайка, галоўны рэдактар Беларускага радыё; Уладзімір Глушакоў, намеснік галоўнага рэдактара часопіса «Беларуская думка»; Юрый Дудзінаў, аглядальнік «Народнай газеты»; Людміла Кавалёва, старшы рэдактар інфармацыйнага агенцтва Белтэлерадыёкампаніі і інш.

У лістападзе 2000 года адбыўся Першы рэспубліканскі фестываль незалежнай прэсы. Імпрэза сабрала каля 50 выданняў, беларускіх калег віншавалі прадстаўнікі Літоўскага і Расійскага саюзаў журналістаў, Расійскага ПЭН-цэнтра і Міжнароднага цэнтра «За свабоду слова» (Article-19).

Приговор преступной группе бывшего «алмазовца» В. Игнатовича, вынесенный **14 марта 2002 года** Минским областным судом, так и не дал ответа на главный вопрос: что случилось 7 июля 2000 года с нашим коллегой, членом Белорусской ассоциации журналистов Дмитрием Завадским, где он?

19.09.2003

На арганізаваным БАЖ фестывалі «Дзень закрытых газет» была ўручана прэмія імя Дзмітрыя Завадскага. Лаўрэатамі ўзнагароды сталі фотакарэспандэнты Сяргей Грыц, Васіль Фядосенка і рэдакцыя «Белорусской деловой газеты».

Репортажи теле

Арест репортера М. Малиновского. 17.10.99 г.

Между молотом і наковальней. 21.07.99 г.

ВЫБИТЫ НА ТЕЛЕ...

Избиение главного редактора независимой газеты «Имя» Ирины Халип и ее отца, режиссера и киносценариста Владимира Халипа. 2.05.97 г.

Стихийная акция протеста журналистов в защиту группы ОПТ. 31.07.97 г.

Александр НИКОЛАЙЧУК

Солидарность журналистов — МИФ или РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопрос, казалось бы, простой. Но ответа на него нет до сих пор. Во всяком случае, однозначного. Сейчас белорусская журналистика переживает не самые лучшие времена. И не только независимая. Государственные издания так же страдают под гнетом власти, как и частные газеты, радиостанции и телеканалы. Просто болезнь протекает в несколько иной, хронической, форме.

«Свиданка» с М. Маркевичем на «химии» в Осиповичах

До 2003 года о журналистской солидарности громко, во всеуслышание практически никто не говорил. Не было явного повода. Независимые общенациональные издания худо-бедно могли печататься и распространяться по всей стране и за рубежом.

В отличие от столичных коллег, редакции региональных газет постоянно помогали друг другу в «смутное» время. Делились оргтехникой, запасами газетной бумаги, одалживали деньги, которых всегда не хватало. Но, понятное дело, никогда этого не афишировали, дабы не привлечь внимания местной вертикали власти и не накликать на свою голову беды в виде интенсивных проверок пожарной службы, санинспекции и контролирующей финансовую и хозяйственную деятельность органов.

В Минске профессиональная солидарность независимых журналистов чаще проявлялась в форме пикетов и немногочисленных акций протеста после закрытия властями газет «Свобода»,

«Навіны», Радио 101,2. Дружно поднялись журналисты и на защиту коллег из съёмочной группы ОРТ Павла Шеремета и Дмитрия Завадского, которые оказались в следственном изоляторе КГБ после показа их телерепортажа с белорусско-литовской границы. И это возымело действие — сотрудников российского телеканала вскоре выпустили на свободу.

К сожалению, акции в защиту прав журналистов проходили практически незаметно, о них быстро забывали. Нет, о вопиющих фактах говорили и писали все. Во всяком случае, независимая пресса. Государственные СМИ лишь изредка вставляли свое «веское» слово, которое не имело ничего общего ни с поддержкой, ни с солидарностью. До 2003 года особого рвения к консолидации не наблюдалось и среди частных СМИ. Конечно, на этот счет можно возразить и вспомнить многие факты, когда Белорусская ассоциация журналистов предпринимала шаги, что-

бы спасти прессу от произвола чиновников. На защиту журналистов БАЖ становится всегда. Независимо от обстоятельств. В то же время сами работники СМИ цеховую солидарность понимают по-своему. Заступиться — значит написать материал о бедственном положении коллег. Активно заступиться — написать два материала. И так, повторюсь, было вплоть до 2003 года — до тех пор, пока белорусские власти не попытались в очередной раз приостановить выпуск «Белорусской деловой газеты». Хочу сразу оговориться, что это мое личное видение проблемы. Мнение человека, который, получив из рук декана факультета журналистики БГУ диплом, свято верил в честность и поддержку коллег.

Первый демарш против частного издательства «Марат» чиновники предприняли еще в 1995 году, закрыв «БДГ» доступ в белорусские типографии. Но газета выжила и за семь лет только укрепила свои позиции

на медийном рынке. Вряд ли ее растущая популярность пришла по душе властным структурам. Власть предрасположена с завидным постоянством грозилась закрыть газету. Но дальше неофициальных заявлений дело не шло. Сами же журналисты «БДГ» верили, что так просто «ликвидировать» авторитетное издание просто невозможно. В крайнем случае редакция рассчитывала на помощь как белорусской, так и европейской общественности. О цеховой солидарности никто не говорил. Возможно, в нее просто не верили. Как оказалось, зря.

Для того чтобы понять, что такое настоящая журналистская корпоративность, достаточно просто восстановить хронологию событий, происходивших в мае-июне 2003 года вокруг «Белорусской деловой газеты» и ее ежемесячного приложения «БДГ. Для служебного пользования». В течение трех дней, с 20 по 22 мая 2003 года, эти издания получили сразу три предупреждения Министерства информации Республики Беларусь. О приказах министра информации №№ 96 и 97 от 28.05.2003 года о приостановлении выхода «БДГ» и «БДГ. ДСП» на три месяца руководством УП «Марат» стало известно 28 мая. На следующий день прозвучали первые заявления белорусской ассоциации журналистов в поддержку «БДГ» и «БДГ. ДСП». Еще через день была достигнута договоренность, что материалы журналистов «БДГ» будут напечатаны в газете «Салідарнасць». Стоит отметить, что газета, которой руководит Александр Старикович, полностью оправдала свое название. Журналисты «БДГ» получили шанс быть услышанными. Но что самое главное — работа в редакции «БДГ» продолжалась в прежнем режиме. Не было ни паники, ни даже разговоров о далеком не радужных перспективах издания. Благодаря «Салідарнасці» журналисты работали: собирали информацию и писали материалы. 2 июня редакция «Белорусской деловой газеты» начала переговоры с несколькими изданиями, чтобы материалы журналистов «БДГ» по-прежнему выходили ежедневно. 4 июня в свет вышел первый но-

мер еженедельника «Эхо», учредителем которого являлся индивидуальный предприниматель. Унитарное предприятие «Марат», издававшее «БДГ», взяло на себя функции его редакции. Увы, в киоски «Белсоюзпечати» газета так и не поступила. Чуть позже выход еженедельника «Эхо» приказом Мининформации был приостановлен на три месяца. Первый и последний номер газеты «заслужил» сразу два предупреждения министерства за смену тематики и юридического адреса.

Проблемным оказался и выпуск «Предпринимательской газеты», которую белорусские типографии наотрез отказались

смогли обнаружить ревизоры, — это нарушение ГОСТа: в выходных данных газеты не был указан объем в печатных листах. В то время подобные упущения можно было смело приписывать большинству государственных изданий, которые проверка КПК почему-то обошла стороной. Однако журналистская солидарность дорого обошлась редакции независимой газеты. Издание обложили серьезными штрафными санкциями. Но весь мир увидел, что белорусские СМИ могут быть солидарными и готовы совместно противостоять прямому давлению властей. Причем желание поддержать фактически задушенную газету оказа-

«БДГ» давали премии и таскали по судам...

печатать. Известное в стране издание «Belarus Today» заявило о своей солидарности с «Белорусской деловой газетой» и предоставило опальным журналистам место для публикаций. Но найти в Беларуси типографию, которая бы согласилась напечатать газету, также не удалось.

Стоит отметить, что выход первого «солидарного» номера «БДГ» и «Салідарнасці», на первой странице которого красовались портреты Светланы Калинкиной, главного редактора «БДГ», и Александра Стариковича, вызвал нешуточный переполох во властных структурах. Для того, чтобы отбить у журналистов желание протягивать коллегам руку помощи, Комитет государственного контроля инициировал проверку деятельности «Салідарнасці». Единственное, что

лось заразительным. Эстафету взаимопомощи в июле 2003 года подхватили россияне. Свои полосы журналистам «БДГ» предоставила московская «Новая газета». Под ее шапкой выходили специальные выпуски для Беларуси, формированием которых занимался коллектив «БДГ». События двухгодичной давности доказали, что медийный рынок СНГ жив и восприимчив к внешним раздражителям. Жаль только, что мы объединяемся, как правило, только в случае очень серьезной угрозы. Если бы удалось хоть как-то повысить профессиональную «чувствительность» СМИ, можно было бы говорить о рождении абсолютно свободных изданий, которым нельзя закрыть рот указами, распоряжениями или грубой физической силой.

Десять лет с правом переписки

*Письма, письма лично на почту ношу,
Словно я роман с продолженьем пишу.
Знаю, знаю точно, где мой адресат...
Точнее, адресаты...*

Андрей БАСТУНЕЦ

Только за последние полтора года ОО «Белорусская ассоциация журналистов» (далее — БАЖ) направило 76 писем в 63 государственных органа и организации. Обращения, запросы, требования, напоминания... Мы словно пытались подтвердить, что любимый жанр гражданина этой страны — эпистолярный.

Некоторые из полученных ответов воистину радовали глаз и доказывали, что эсхатологические настроения, имеющие место быть в нашей среде («Шеф! Все пропало!»), несколько прежде-

обращение БАЖ с требованием обеспечить соблюдение законодательства о печати.

Такие обращения с цитированием норм закона, информацией о санкциях за его нарушение и запросом сведений о формах работы местной власти со СМИ в конце прошлого года БАЖ разослал по 32 исполкомам тех регионов Беларуси, где еще существует независимая пресса. «Активно приветствовали» подобное «стимулирование» их работы, конечно же, далеко не все. Многие промолчали, некоторые огрызнулись. Так, председатель

гласит, что вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается. То есть районный голова намекнул, что призыв соблюдать закон можно расценить как грубое вмешательство в его деятельность.

Похоже, некоторые государственные мужи (термин этот в свете гендерной политики не мешало бы пересмотреть) серьезно считают, что на «вверенной им территории» они практически суверенны. «Районный Совет депутатов и райисполком являются учредителями местных средств массовой информации — газеты «Светлы шлях» и программы «Сморгонское радио», которых вполне достаточно, чтобы закрыть местное информационное пространство». Этот безапелляционный вывод — из письма зампреда понятно какого исполкома госпожи Шмыги. Чтобы еще лучше «закрыть информационное пространство», местные власти сделали все от них зависящее, чтобы перестала выходить «Новая газета Сморгони», в свое время оставившая по тиражам далеко позади медиа, учрежденные исполкомом и райсоветом.

Но что говорить о Сморгонском исполкоме! Министерство информации (кстати, проявившее большее участие к письмам сморгонских чиновников) тоже

При обсуждении законодательства о СМИ БАЖ рассчитывал на сотрудничество с депутатами

временны. «Мы искренне благодарим вас за предоставленную консультацию: периодические напоминания такого рода, исходящие со стороны общественных организаций, стимулируют работу исполнительной власти, и потому мы их активно приветствуем», — это из ответа Могилевского (!) горисполкома на

Новополоцкого горисполкома А. В. Комаров под типичной отпиской, что исполком, мол, строит свои отношения со СМИ «в соответствии с законодательством», не преминул добавить: «В свою очередь обращаем ваше внимание на ст. 5 закона «Об общественных объединениях». А статья эта (в новой редакции закона — ст. 6)

стремится к самодостаточности. «В ближайшее время встречи руководства Министерства информации с членами Правления ОО «Белорусская ассоциация журналистов» и редакторами негосударственных изданий в предлагаемом формате не планируются», — ответ «родного» министерства полугодовой давности. А ведь несколькими месяцами ранее Лилия Ананич (первый заместитель министра) в телефонном разговоре сама говорила о том, что хорошо было бы организовать встречу-обсуждение проблем, призвала к сотрудничеству и взаимодействию. Правда, фон того разговора был не самым лучшим. Незадолго до того Лилия Станиславовна в интервью БелТА «выразила обеспокоенность снижением тиражей государственных изданий». И заявила в связи с этим: «И здесь слабым утешением служит уменьшение тиражей негосударственных газет». Пришлось поинтересоваться, насколько адекватно БелТА передало ее слова. Вопросы: «Если смысл Ваших высказываний искажен, то планируете ли Вы предпринять какие-либо меры для уточнения информации, поскольку она исходит не от частного лица, а от государственного служащего, занимающего ответственное положение? Если Ваши высказывания переданы точно, то каким образом «утешение от снижения тиражей» негосударственных газет сочетается с такими задачами Министерства информации как «разработка и осуществление мероприятий, направленных на реформирование и динамичное развитие экономики в сфере средств массовой информации», «разработка и осуществление мероприятий, направленных на развитие системы средств массовой информации (независимо от формы собственности)»?» — остались без ответа, зато состоялась почти часовая беседа с замминистра по телефону, во время которой «стороны

достигли полного взаимопонимания» по множеству других проблем. Правда, проблем после этого стало не меньше, а больше.

Ну, ладно, Министерство информации — оно хотя бы отвечает на запросы, так устно. От многих и этого не дождешься. Причем среди «не-ответчиков» есть и те, кто просто обязан знать и строго соблюдать закон. Так, Верховный суд, Гомельский областной

ратура и УВД Гомельской области подробно информировали о ходе разбирательства по факту угроз Ирине Маковецкой. Центризбирком оперативно признал нарушение избирательного законодательства со стороны председателей «отдельных участковых комиссий Гродненского Центрального избирательного округа № 52», которые «необоснованно требовали у Андреевой Е. А. предъявления иных

После ликвидации «Новой газеты Сморгони» власти пытались «ликвидировать» Ромуальда Улана

суд, Минский городской суд, хозяйственный суд Минской области проигнорировали запросы БАЖ о статистике судебных дел с участием СМИ, а Министерство внутренних дел дважды «спустило» обращения БАЖ тем, на кого жаловались (получилось, как в советской юмореске, когда ответы на письма в любую инстанции, включая ООН, с жалобами на ЖЭС приходят из ЖЭСа).

Есть, конечно, и другие примеры. Так, Брестский областной суд предоставил полную информацию о рассмотренных в области делах с участием СМИ — с раскладкой по районам, указанием применявшихся статей, результатами рассмотрения дел. Проку-

документов, удостоверяющих ее статус журналиста, кроме удостоверения».

Но это, скорее, исключения из правил. На 76 обращений БАЖа в различные госструктуры получено лишь 45 ответов. В остальных случаях — как в песне, из которой слова не выбросишь:

Шлю я, шлю я ей за пакетом пакет,

Только, только нет мне ни слова в ответ.

Значит...

Значит, им надо иметь в виду: напишем еще раз, и еще, и еще — если понадобится.

В конце концов, мы не читатели, мы — писатели.

«Инкубатор» свободы

Дмитрий ЕГОРОВ

Нас отравили... свободой

Мы — это те, кого в редакции называют мОлодежь (ударение на первом слоге). В 16 лет я пришел в редакцию «Биржи информации». Как и любого новичка, меня поразило сочетание хаоса, легкой нервозности и доброжелательного соучастия. Тихий мальчик-«хорошист» вдруг начал прогуливать уроки (в редакции гораздо интереснее!), строгий директор школы стал вызывать родителей по поводу... публикаций. Журфак стал мечтой, а позже — объектом для ежегодного абитуриентского штурма.

Каждый год ряды мОлодежи пополнялись благодаря гродненской «Школе молодого журналиста», каждый год в редакцию приходили дерзкие, до одурения верящие в себя молодые люди. Нас не пугали ни милиционеры с дубинками, ни кабинетные дяди, топающие от злости ногами. И редакционная атмосфера, которой мы дышали и в которой жили, только развивала наше стремление к независимости.

Свобода печати не воспринимается новым поколением как некое и чье-то достижение. Это — норма, в свободной редакции мы дышали воздухом свободы. Слово «идеология» еще не было реанимировано, независимую газету еще не осме-

«Учись зарабатывать деньги не лицемеря», — писал Сергей Довлатов,

бывший надзиратель, журналист, диссидент и эмигрант. Этот совет пришелся как раз кстати, когда был временно приостановлен выход последней в Гродно независимой газеты «Биржа информации» (и пока ситуация так и не изменилась). Теперь я все чаще звоню по объявлениям вроде «требуется грузчик», все чаще восклицаю: «А не сменить ли профессию на?..» Ну, хоть на какую-нибудь.

ливались так запросто, как сегодня, «хлопнуть». Ни дать ни взять — рай на земле. Из этого рая нас не изгнали — его у нас просто отняли.

Генеральная репетиция

От редактора я получил задание подготовить шуточный опрос к первому апреля. За пять лет работы в «Бирже информации» как минимум раз в месяц доводилось слышать от разных людей: «Ну как, вас еще не закрыли?» Поэтому за темой для опроса далеко ходить не пришлось. Один день я посвятил тому, что обзванивал наших читателей, подписавшихся на издание в редакции, и говорил, мол, так и так, газету нашу закрыли, сами понимаете, из-за политики, и выходить мы уже не будем, в связи с чем предлагаем вернуть вам деньги за подписку... Ни один (!) человек не согласился! Более того, нам предлагали материальную помощь, соглашались получить газету в дальнейшем, даже если она будет выходить подпольно... Ну и, естественно, сочувствовали. Говорили о том, как мы нужны. И... радовались, как дети, когда узнавали, что это всего лишь розыгрыш. День дураков! Вот и шутка получилась дурацкая, но

воодушевила она коллектив больше, чем двойное повышение гонораров.

Кто мог ожидать, что очень скоро — в ноябре 2004 года — это перестанет быть шуткой? Мне кажется, мы все были готовы к этому с первого номера, и все же письмо из Министерства информации — как снег на голову. Все повторилось — и слова сочувствия, и возгласы негодования, и предложения материальной помощи от наших преданных читателей. И письма. Письма в Министерство за сотнями подписей с сотнями «открытых» фамилий. Такое — в Беларуси? Да!

Государство, которое забирает

У читателей отобрали возможность получать качественную и непредвзятую местную информацию, у бюджета — миллионы рублей налогов, у журналистов — кусок хлеба и не менее важное — аудиторию.

Некоторое время выходила интернет-версия газеты, однако сотня виртуальных читателей не сравнима с десятком тысяч реальных. Три месяца команда «Биржи» сидела «на игле» энтузиазма, дожидаясь окончания срока приостановления выхода газеты. Три месяца ободряю-

щих взглядов, надежд и амбициозных планов на ближайшие «бумажные» номера.

Увы, шестерни государственной машины редко начинают вращаться в обратную сторону, отдавая то, что уже успели зажевать. Ни одна типография Беларуси не согласилась печатать «Биржу», как водится, по техническим причинам. Но даже у шестеренок есть имена, нумерация, если хотите. До вендетты дело точно не дойдет, но фамилии тех, кто подписывал документы, тех, кто говорил о «технических причинах», останутся в памяти надолго.

Взаимоотношения властей и независимой прессы всегда были и будут напряженными. Тяжело любить и терпеть тех, кто выносит на свет божий то, что пытаешься спрятать от собственной совести. Любовь государства к независимой прессе столь же противоестественна, как любовь хулигана к участковому милиционеру.

Независимая пресса — не миф

Споры о возможности быть независимыми уже изрядно наскучили — так же, как и дискуссии о существовании объективности. Если вы не верите в то, что журналистика может быть независимой, примите «контрастный душ» — поработайте в ООО «Редакция газеты N», а затем — в какой-нибудь «Правде» под крышей исполкома или хотя бы в «Полуправде», где один из учредителей — госорган. В отличие от гигиенической водной процедуры, этот «контрастный душ» вовсе не освежает и не бодрит. Можно усыпить, точнее, оглушить совесть увесистыми аргументами вроде «надо кормить семью» и «ни слова о политике под диктовку не напишу», но, увы, это не поможет. Уже недельки через две, а то и раньше, станет невыносимо скучно и тягостно писать заметки о надоях молока и конкурсах детского рисунка. Так работа на государство превращается в каторгу, и обещанная зарплата в 500–600 тысяч уже не кажется привлекательной. Зато становится предельно ясно, что независимая журналистика бывает.

В Беларуси остается все меньше независимых, свободных изданий, и кричать по этому поводу караул, конечно, важно. Но, в сущности, все не так уж и плохо: пока никуда не делась «старая гвардия» редакторов и журналистов, которая готова, как и прежде, работать практически за читательское «спасибо». Еще не вся молодежь уехала в Варшаву, Вильнюс и Прагу. Но главное — остался рынок, в котором независимая пресса востребована. Ведь люди, которые по-прежнему хотят получать объективную информацию, никуда не испарились, и теперь гораздо чаще, чем раз в месяц, я слышу от тех же знакомых: «Ну, что, когда вы уже откроетесь?»

Опера и судьи

Зал зол и снова хочет «кушать»

М. Маркевич отправляется на «химию»

Памятный процесс над П. Шереметом и Д. Завадским

«БДГ» и П. Марцев в зале Высшего хозяйственного суда

П. Можейко и «химические» опыты

пишут наши судьбы...

«Казенный дом» П. Можейко

Принудительные орудия труда редактора М. Маркевича

Барановичские пути ссыльного В. Ивашкевича

Редактор газеты «Рабочий» за вольное слово заплатил неволей

«ПУСКАЙ БЕЗУМНЫЙ НАШ СУЛТАН СУЛИТ ДОРОГУ НАМ К ОСТРОГУ...»

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Господи, как свежо тогда дышалось, хоть и не сытно елось на вольных хлебах! Вот одна заметка из самого первого выпуска «Брестского курьера» от 8 декабря 1990 года: «На основании протокола о задержании, переданного в судебные инстанции Ленинским РОВД г. Бреста, состоялось судебное разбирательство по факту «пользования в общественных местах плакатами, направленными на причинение ущерба правопорядку и правам граждан». Это инкриминировалось брестчанину Г. И. Самойленко, одному из сопредседателей Объединенной демократической партии Белоруссии, стоявшему в день открытия конференции коммунистов области возле Дома политпроса с плакатами: «29-й съезд КПСС проведем в Нюрнберге» и «КПСС обокрала народы». Районный суд под председательством народного судьи Т. И. Сучок, рассмотрев поступившие материалы, постановил отказать в принятии мер административного взыскания в отношении Г. И. Самойленко за отсутствием в его действиях состава административного правонарушения».

Сегодня вы можете представить себе такое? Уже и нет на белом свете неугомонного борца за демократию Гены Самойленко, спокойно сообщившего мне однажды по телефону о роковом диагнозе врачей и о своем завещании накрыть его гроб бело-красно-белым флагом. Нет и почившей компартии. Да и белорусская свобода тяжело хворает, пока что поддерживаемая инъекциями воспоминаний о...

О том, например, как еще до первого легального выпуска «Брестского курьера» мы в июне 90-го мчались на синем жигуленке в Вильнюс, везя в прицепе рулон газетной бумаги. Чтобы в сопредельном государстве вольного «Саюдиса» отпечатать пилотный четырехстраничный номер «БК» тиражом пять тысяч экземпляров! С литовской типографией договориться об этом оказалось гораздо проще, чем с местной, зависимой от обкомовского надзора. Наш вильнюсский партнер с архангельской фамилией Ломоносовас попросил только, чтобы мы затарились «горючкой», — Балтию взял за горло бензиновый кризис. Эти привезенные нами ка-

нистры оказались для литовских полиграфистов почти что небесным даром — тираж нашего первенца они отпечатали за символическую плату на своей бумаге да еще и водкою нас напоили под тосты о нерушимой дружбе.

Продавать доставленные в Брест газеты через киоски «Союзпечати» нам, конечно же, не разрешили, торговать ими с рук мы еще не умели, поэтому пробный тираж попросту раздали — люди его расхватывали, как горячие пирожки. А мы были ужасно рады и горды — сделали!

А если посмотреть сквозь «магический кристалл» минувшего пятнадцатилетия, то нам и теперь не стыдно за тот дерзкий старт «Брестского курьера». Вот строки из нашего первого обращения к читателям: «Свободной газете должен быть присущ свободный дух воззрений. В широком спектре нынешней многопартийности и плюрализма мы будем давать слово на наших страницах представителям самых различных партий, движений, общественных группировок. Критерии публикаций

«БК» — объективность, реализм, правдивость. Разумеется, при этом газета вправе высказывать и свою позицию по тем или иным вопросам».

Мы не изобретали свободу — мы всего лишь стали ее глашатаями, теми ребятами, которые не побоялись прилюдно говорить о наготе короля и убогости номенклатурного королевства. Уверенности в себе нам добавили и дни августовского путча 1991 года, когда государственная пресса замерла в испуганном ожидании исхода

ников «БК», от первых шишек — к профессиональному опыту. Таков пятнадцатилетний маршрут нашей газеты, на котором есть весьма приятная для нас веха: в 2000 году «Брестский курьер» стал первым в Беларуси лауреатом Международной премии «Молодая пресса Восточной Европы» Фонда газеты «Цайт» (г. Гамбург).

Но в этом пути мы не были одинокими. Минувшая пятнадцатилетка выпустила в вольный полет целую плеяду независимых белорусских изданий, уве-

ние книг и журнала «Абазур», мониторинги нарушений свободы слова и прав журналистов, корпоративные фестивали — все это трудно перечислить, но все произведенное и преподанное благодарно помнится, а главное — продолжается в наших медийных судьбах заданным темпом движения.

Помнится, однажды в Киев ехала большая группа руководителей независимых белорусских СМИ, заняв примерно два купейных вагона. У меня под стук вагонных колес в голове

событий, а мы тут же направили нашего спецкора в горячую Москву, засели за телефоны, собрали мнения, комментарии и массив информации, а затем с пылу, с жару выпустили (хотя были опасения, что его не отпечатают) номер «БК», который на следующее утро в Бресте читала митингующая площадь Ленина. Это был адреналин!

От линописа — к компьютеру, от четырех страниц — к тридцати двум, от трех «бойцов» — к трем десяткам сотруд-

ренно осваивавших медиа-пространство республики. И нет ничего удивительного, что десять лет назад эта оперенная братия по логике корпоративного притяжения объединилась в «бажеский корпус» — Белорусскую ассоциацию журналистов, ставшую мощным аккумулятором профессионального роста и становления республиканских масс-медиа демократической ориентации. Семинары, стажировки, правовая помощь и юридические консультации, изда-

крутились строчки Рубцова: «И какое может быть крушение, если столько в поезде народа?..»

Но, увы, крушения происходят — одна за другой мало-помалу выбиваются из нашего «общего поезда» газеты и судьбы. Такое время.

Впрочем, не будем о грустном. Ведь есть предупреждение и другого поэта-прозорливца: «Поднявший меч на наш союз, достоин будет худшей кары...»

Жыве БАЖ!

2001

И вновь — свобода не в фаворе,
Как в незапамятные дни,
Когда холуй в усердном хоре
Вопит: «Распни ее, распни!»

Распни! — в чиновных кабинетах,
Среди угрюмо-серых стен.
Распни! — на пушечных лафетах
И на крестах телеантенн.

И вот ведут ее, голубку,
В Окрестино, под шум дождя —
И раб подпаливает трубку
Из гроба вставшего вождя...

Завет

Я зарыт под корнями полыни в родной Беларуси.
Надо мною лишь ветры, да ливни, да дикие гуси
Пролетают ненастной порою шеренгой крылатой.
Ни креста, ни плиты надо мною со скорбною датой —
Не найдешь указующих вех к дорогому кладбищу.
Те, на ком этот каинов грех, жрут пайковую пищу,
Травят байки ночные, глуша свою память спиртягой.
Но бывшее, шурша, промывается Божьею драгой
И выходит наружу, мерцающая высокою пробой,
Хоть исходит бесовская стая холуйскою злобой.
Отсканирует время и души, и тайны земные.
Бьют по охре березовых кружев дожди проливные,
Перелетные ветры секут безымянный пригорок.
Беларусь, мой последний приют по-гулаговски горек!
Отыщи, назови поименно расстрельную банду,
Ослепленную тьмою иудину зондеркоманду,
Но не ради расправы, не ради отмщенья пустого —
Ради только лишь Правды и ради единого Слова...

Жанне Литвиной

Пусть горечь плещет через край,
И всё же, дорогая Жанна,
Гори! Но только не сгорай,
Как героиня Орлеана.

Когда однажды грянет час
Молчалиникам платить за свинство,
Останется в тебе и в нас
Неистребимое литвинство.

Николай
АЛЕКСАНДРОВ

Троянские стансы

Аллеи октябрьских охры и прохлады
Озвучены шуршаньем листопада.

Шурует шустро дворничья метла
Под небом, что грозит дождем излиться,
Пока червонных кленов купола
Роняют на асфальт литые листья.

В такие дни, прости меня Господь,
Всего верней, без суеты и спешки,
Елене чушь приятную молоть
За столиком полупустой кафешки.

Мерцает свет в бокалах каберне,
Роняет столбик пепла сигарета,
И ветер, залетающий извне,
Мелодию выводит в духе ретро.

Играй, играй, задумчивый трубач,
Рассыпав по плечам седые космы,
А ты, душа, забытых слез не прячь —
Так благостны они, как и несносны.

Елена улыбается окну,
Где дождь линует полосу заката,
И город собирается ко сну,
И светляки такси спешат куда-то...

***

Это было так недавно,
А казалось бы, давно —
Шум дождя за хлипкой ставней
Рассыпался, как пшено.

Капли по стеклу стучали,
Падая в крутом пике,
Словно точки отмечали
В начатом черновике.

И кипел на кухне чайник,
А над чашками вилась
Разговоров неслучайных
Упоительная связь.

Кузнечик

Кузнечик, мой брат по зеленой судьбе,
Затерянный в джунглях травы при дороге, —
Он точит пространство, забыв о себе,
И пишет свои травяные эклоги,
Послушный незримой небесной трубе.

Над ним полыхает свечой иван-чай,
Лазоревой памятью бредит цикорий,
Горошка душистого вьется камча,
И чертополох, как воитель Егорий,
Колючее древко заносит сплеча.

Мир странно распахнут и вовсе не пуст,
Наполненный гомоном, шелестом, звоном,
Как будто заутренний сорокоуст
Творится над теплым суглинистым лоном,
И сладок земле хлорофилловый груз.

Ну что, брат кузнечик? Пиликай, точи
Пространство, в котором — мелисса, и мята,
И мятлик — лишь нотного стана ключи
От кромки рассвета до кромки заката...
Звучи, мой хороший. Играй. Не молчи.

Пусть короток век и непрочен смычок —
Не будем об этом, пока еще длится
Июль, и горит светляка маячок —
Там, где обрывается лета граница...
А дальше — не надо, не надо... Молчок.

ЗАКАТ СВОБОД ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Во время вынужденной трехлетней политэмиграции в Соединенных Штатах мне довелось побывать в знаменитой Пульцеровской школе журналистики Колумбийского университета в Нью-Йорке. Входящих в ее стены встречает написанное огромными позолоченными буквами изречение Пульцера: «Наша республика своим подъемом обязана свободе слова и свободе печати. Закат этих свобод будет и ее закатом». А для Беларуси? Без региональной прессы у нашей страны нет будущего.

Александр АБРАМОВИЧ

Чиновничий шантаж нередко достигает своей цели. Счет торговых точек, прекративших реализацию неугодной властям газеты, идет уже не на единицы, а на десятки.

Испытанием на стойкость всего редакционного коллектива стал процесс, в ходе которого нашего редактора А. Букаса осудили «за клевету и оскорбление» по ст. 188 ч. 2 и ст. 189 ч. 2 УК РБ. Наша точка зрения: никакой клеветы и оскорбления не было, а была лишь достойная отповедь редактору местного официоза Вере Протасевич, которая неоднократно оскорбляла Букаса на страницах своей газеты выражениями типа «дурно воспитанный и плохо образованный писака». Букаса пытался апеллировать к закону, но правоохранительные органы и прокурорские работники оказались глухи к жалобам и заявлениям нашего редактора. Тогда он ответил своей обидчице адекватно — в рамках нормативной лексики. И усилиями придворных крючкотворов попал под уголовную статью, предусматривающую даже лишение свободы. Обошлось крупным штрафом. У «клеветника» Букаса добавилось читателей.

Работать в «Новостях» для меня — одно удовольствие. Здесь не требуют от журналистов ничего, кроме оперативных и правдивых материалов. При этом наш редактор взыскателен до мелочей. В условиях жесткой рыночной конкуренции и противодействия со стороны власть предержащих «Борисовским новостям» удается 13 лет верой и правдой служить своим читателям.

Около года работаю в составе пишущей братии еженедельной газеты «Борисовские новости». Для меня это своего рода уникальный период. Парадоксально, но в атмосфере повального страха и всеобщего конформизма журналист негосударственной прессы имеет возможность свободно и регулярно говорить правду.

Общественно-политический борисовский еженедельник имеет стабильный многотысячный круг читателей на сравнительно небольшой территории. Это идеальные условия для самореализации репортера.

Правда, творческий «рай» оплачен ценой стрессов и противостояния нашего учредителя, издателя и главного редактора Анатолия Букаса. За последний год местные власти инициировали целый букет выпадов в отношении независимой борисовской газеты.

Издание бесцеремонно, под надуманным предлогом вышвырнули из киосков «Миноблсоюзпечати». Местные чиновники буквально ходят по пятам распространителей газет и запугивают всяческими сложностями в отношениях с проверяющими и налоговыми органами.

СЛОВА АД ПАГОДКА

Аляксей БЕЛЫ

Здаецца, зусім нядаўна, у канцы снежня мінулага года, свой дзесяцігадовы юбілей адзначала наша баранавіцкая газета «Intex-press»... Баранавіцкая філія БАЖа была ўтворана ў кастрычніку 1997-га. Помніцца, прыехаў тады ў газету «Шаг» (я ў той час быў там галоўным рэдактарам) Анатоль Гуляеў, правёў устаноўчы сход, і першыя пяць чалавек з нашага рэгіёна сталі сябрамі Беларускай асацыяцыі журналістаў. З цягам часу нас было ўжо 22.

Мы праводзілі сходы, збіралі подпісы ў падтрымку той ці іншай ініцыятывы, пісалі адозвы, святкавалі, праводзілі семінары, выязджалі на стажыроўкі да калег у іншыя краіны...

Але самае першае і галоўнае — мы рабілі і робім Справу. І толькі дзякуючы велізарным намаганням тых, хто з'яўляецца сябрам нашай прафесійнай арганізацыі ці проста супрацоўнічае з намі, незалежныя, альбо, як кажуць чыноўнікі, «оппозиционные» газеты ўсё ж выходзяць.

На жаль, іх стала за апошнія гады значна менш. Уціск на прэ-

*Мы ў свет прыйшлі,
каб верыць і любіць,
Каб годнасць мець і жыць
пад небам чыстым,
Але ж цяпер тут так няпроста быць
Сапраўдным,
аб'ектыўным журналістам.
Тут на заданне — бы ў першы клас
(Хаця, здавалася б,
каму тут цесна?),
Але ж невыпадкова дзеляць нас
Тут дзесяць год на «чэсных»
і «нячэсных».
А нам і заўтра па сумленні жыць,
І адлюстроўваць кожны крок краіны,
І жыць прытым не так,
«як набяжыць»,
А каб нашчадкам ісціну пакінуць!
Падняць хачу і сто, і дзвесце грам,
Каб выжыў БАЖ у час такі шалёны,
Ну і, вядома, пажадаць сябрам
Настрою, шчасця, радасці і плёну.
Каб без радка мы не жылі ні дня
І смакавалі слова, бы прасвірку,
І сімвал БАЖа — наша жабяня —
Магло пралезці ў любую дзірку!*

Уладзімір Янукевіч, Аляксей Белы (Intex-press)

су, якая праўдзіва адлюстроўвае ўсё тое, што адбываецца ў нашай краіне, працягваецца. Адчуваем гэта і мы. Асабліва гэта тычыцца рэгіянальных выданняў таварыства з абмежаванай адказнасцю «Выдавецкі дом «Інтэкс-прэс» — газет «Ляхавіцкі час», «Ганцавіцкі час», «Мясцовы час» і «Нясвіжскі час».

Мяркуюць самі. Ні адзін з супрацоўнікаў гэтых выданняў, нягледзячы на нашы шматлікія звароты да старшынь выканкамаў, не атрымаў акрэдытацыю пры выканкамах, каб мець апэратыўную інфармацыю аб тым, што адбываецца ў рэгіёнах, і дасць яе да чытачоў. Якіх толькі аргументаў не выдумляюць чыноўнікі, каб адмовіць у такой акрэдытацыі ці не даць журналістам магчымасці напісаць пра тую ці іншую падзею! Якога толькі глупства тут не начытаешся!

Вось што пішуць афіцыйныя асобы ў адказ на нашы запыты і скаргі: «Райсполком отказывает в аккредитации корреспон-

дентов газеты «Спадарожнік», районный исполнительный комитет, районный Совет депутатов являются учредителями районной газеты «Савецкае Палессе», которая в полном объеме освещает деятельность местных органов власти». Гэта адказ старшыні Ганцавіцкага райвыканкама У. Столяра. І што яму з таго, што ў газеты «Ганцавіцкі час» (пераемніцы «Спадарожніка») наклад большы за дзве тысячы асобнікаў, сваё кола чытачоў — між іншым, жыхароў рэгіёна, якія так ніколі і не даведаюцца, чым жа займаецца выканаўчая ўлада ў Ганцавічах. Журналістаў там не пускаюць нават на самыя несакрытныя мерапрыемствы, такія як канферэнцыя настаўнікаў ці ўручэнне медалёў ветэранам. Чынавенству нібыта няма справы да таго, што ёсць Закон аб друку і Канстытуцыя, якія гарантуюць грамадзянам атрыманне аб'ектыўнай інфармацыі, дарэчы, як і аднолькавыя ўмовы дзейнасці дзяржаўных і нездзяржаўных СМІ.

Вядома ж, мы пішам скаргі, робім запыты. Але што мы атрымліваем у адказ? На нашу скаргу на ганцавіцкіх чыноўнікаў, якія адмовілі журналістам у акрэдытацыі, намеснік старшыні аблвыканкама Леанід Цупрык у свой час адказаў: «Отсутствие аккредитации журналистов не лишает права редакцию газеты «Ганцавіцкі час» на получение информации от Ганцевичского райисполкома».

Але праз год той жа Цупрык, да якога мы вымушаны былі апеляваць, таму што ў Ганцавічах нашаму выданню адмаўляюць у інфармацыі, піша: «В соответствии с информацией Ганцевичского райисполкома, журналисты газеты «Ганцавіцкі час», к сожалению, не имеют аккредитации при райисполкоме». Атрымліваецца замкнёнае кола. Акрэдытаваць не хочучь, а без акрэдытацыі не маеш права атрымаць інфармацыю ад уладаў.

Вядома ж, нашы спробы дабіцца праўды ці хаця б прыцягнуць увагу грамадскасці да ство-

раных уладамі праблемаў былі б менш эфектыўныя, калі б не дапамога калег з БАЖа. Неаднаразова спрабавала дамовіцца з мясцовымі чыноўнікамі наконт акрэдытацыі старшыня асацыяцыі Жанна Літвіна. А тэксты скаргаў-зваротаў у вышэйшыя інстанцыі заўсёды праходзяць «экспертызу» ў цэнтры прававой абароны журналістаў пры БАЖы. У нашых паўсядзённых перамогах над вычварэнствамі чыноўнікаў заслуга супрацоўнікаў гэтага цэнтра: Міхаіла Пастухова, Андрэя Бастунца, Ірыны Карамышавай, Юрыя Тапарашава. Дзякуй ім за гэта!

У нашай працы дробязяў няма. За кожнае слова — адказ. Нават за кожную коску! Хочацца, каб і тыя, хто замінае нам працаваць у поўную сілу, таксама адчувалі такую ж адказнасць. І тут своеасаблівым летапісам становяцца выданні, якія тычацца маніторынга парушэнняў правоў СМІ і журналістаў. Так, чыноўнікі навучыліся «аргументаваць» свае

Новая змена Intex-press

адказы на нашы запыты. Але калі таму ж старшыні райвыканкама дашлюць кніжку, дзе яго прозвішча ў сувязі з парушэннем існага заканадаўства паўтараецца некалькі разоў, ён, пэўна, усё ж задумаецца...

Праўда, «задумваюцца» начальнікі стоена — бо парушэнняў у дачыненні да журналістаў і газет менш не становіцца. Напрыклад, у Пінску, дзе выходзіць наша газета «Мясцовы час», яе адмаўляюцца распаўсюджваць не толькі праз сістэму гандлю, але і ў «Саюздруку». Больш таго, рэгіянальнае выданне адмовіліся друкаваць у пінскай друкарні і тыражуюць у Баранавічах, а потым вязуць за 170 кіламетраў у

Пінск! Ці трэба тлумачыць, што пры гэтым нашыя выдаткі паўзуць угару?

Апошнім часам з'яўляюцца праблемы з атрыманнем інфармацыі ў Баранавічах. Тут ідэалагічныя работнікі выканкама, не хаваючыся, гавораць, што іх прыярытэты — у зносінах з дзяржаўнымі выданнямі.

Тым не менш мы жывём і працуем. І наклад нашай галоўнай газеты «Intex-press» часам падбіраецца да 19 000. Дый шматлікія перамогі журналістаў «IP» у розных конкурсах, і тое, што ў мінулым годзе газета адзначана міжнароднай прэміяй «Маладая прэса Усходняй Еўропы» за прафесіяналізм, мужнасць і грамадзянскасць, шмат аб чым сведчаць.

Мы праводзім «гарачыя лініі», арганізуем на старонках газеты сустрэчы нашых чытачоў з цікавымі людзьмі, старанна збіраем і апрацоўваем інфармацыю... А калі ў нас праблемы ці святы, мы звяртаемся па дапамогу ці запрашаем у госці нашых калегаў і сяброў з БАЖа — тых, хто, як і мы, рухаецца ў рэгіёнах, тых, хто працуе ў сталіцы і дапамагае абараняць нашы інтарэсы.

БАЖу дзесяць год. Дзіцячы ўзрост! Але калі паглядзець, у якіх умовах вымушана працаваць арганізацыя, і падлічыць, што зроблена за гэты час, то ёсць чым ганарыцца.

Са святам, калегі! Шчасця, плёну, настрою і падтрымкі! Няхай усё спраўджваецца!

Intex-press прыняла да сябе кур'ерам «хіміка» Івашкевіча ды заўсёды гасцінна вітала іншых прымусова ссыльных і вольных журналістаў

Паром

Затхнуліся за вёскаю баяны,
І вераб'і прыснулі ў страсе.
Ах, прыгажуня, вы такая п'яная.
Куды, скажыце, вас на ноч нясе?!

Над гэтай пераправаю паромнаю
Ліхтар да розных рознасцяў ахвочы.
Такія вашы вочы бессаромныя,
Ну хто ў іх сёння зазірнуць захоча?

Таполі ў ваду глядзяцца вежамі.
Давайце вашу тонкую руку.
Вы ж не адсюль, я бачу, вы прыезджя,
У джынсіках і модным світарку.

Як добра тут збягаюцца дарогі,
Як мы далёка ад жыццёвай прозы.
Я б адпусціў і вас, і вашы ногі,
Але ж і я таксама нецвярозы!

Нічым не будзе гэты час азмочаны,
Кругі не разыдуцца па вадзе.
Паромшчыку за ўсё ўжо заплочана,
Ён далікатна вочы адвядзе.

Як добра, што запал душы не згас,
Што сёння нам і мора па калена!
Але нашто, скажы, дурны калгас
Пакінуў тут пад восень столькі сена?

Мілавідская бітва

Ні салоўкі, ні шолыху траў, ні агню,
Ні на ямінах стукі фурманак.
Ціхі травеньскі ранак
сцярог цішыню,
Прадчуваючы стогны
і лямант.
Уздываўся туман ад
настылай зямлі,

Аляксей БЕЛЫ

Залацелі пад сонейкам
росы.
І калі сюды карнікі
ўсё ж падышлі —
Слова мовілі стрэльбы
і косы.
Касінеры! Да брата
становіцца брат,
Не да страху цяпер
і самоты,
Ад казацкіх клінкоў,
ад шрапнелі гармат
Уратоўвалі лес і балота.
У Дабромыслі Богу
ўзнеслі хвалу,
Ну а сёння стаяць
тут шыхтамі.
Гэта страшная зброя —
каса на калу,
Што ўчора тачылі
аб камень.
Крык «Жыве Беларусь!» —
бы апошні ўздых —
Ды не скардзіліся
на нядолю.
Нават шыбеніца
не палохала іх,
Бо душа вельмі
прагнула волі.
Пахла кроўю і бэзам
ад роднай зямлі,
І, спытаўшы парады ў Бога,
Касінерскія сотні
далей адышлі,
Адышлі з перамогай.

***

...А летняй парою так спіцца, так сніцца,
І лёгкай рукою махаеш вясёлцы.
Цалую цябе праз тваю завушніцу
У выглядзе колца.

Падманлівы погляд такі і спакусны,
І ўсё ж застаецца ў ім месца даверу,
І прагна цалую гарачыя вусны,
І шчыльна ў Сусвет зачыняюцца дзверы.

...І летняя ўзрушанасць сэрца, і цнота.
Смяецца і плача салоўка ў садзе...
О, гэта каханьня высокая нога,
З якою ўжо і пацалункі не зладзяць!

***

Чаго яшчэ адчайна захацець?!
Заблытацца ў нераці ажынай,
За птушкамі ў вырай палянецць,
Кіруючыся зорнаю сцяжынай.

Убіцца ў іх тугую чараду
На ноч. А ўранні, выслізнуўшы з кліна,
Закінуць вуду ў ціхую ваду,
Зайздросцячы адвазе жураўлінай.

Задумацца ў самоце і ў журбе
Аб тым, што час даўно ляціць няспынна...
Ідзеўку каб сасватаць. Не сабе,
А сыну.

Сябру

Набліжаўся зноў яблычны спас,
Час, зусім неспрыяльны журбе...
Ты завітваў часамі да нас,
А цяпер мы прыйшлі да цябе...
Не пагутарым больш за віном
Аб жыцці, дарагім і

пастылым...

Пахне жнівёньскі дзень

палыном,

Асыпаецца жвір у магілу.

...Праз акенца дарога відна,

Жураўлі пацягнуліся клінам...

Жоўты клён падступіў да акна,

Навявае ўспаміны.

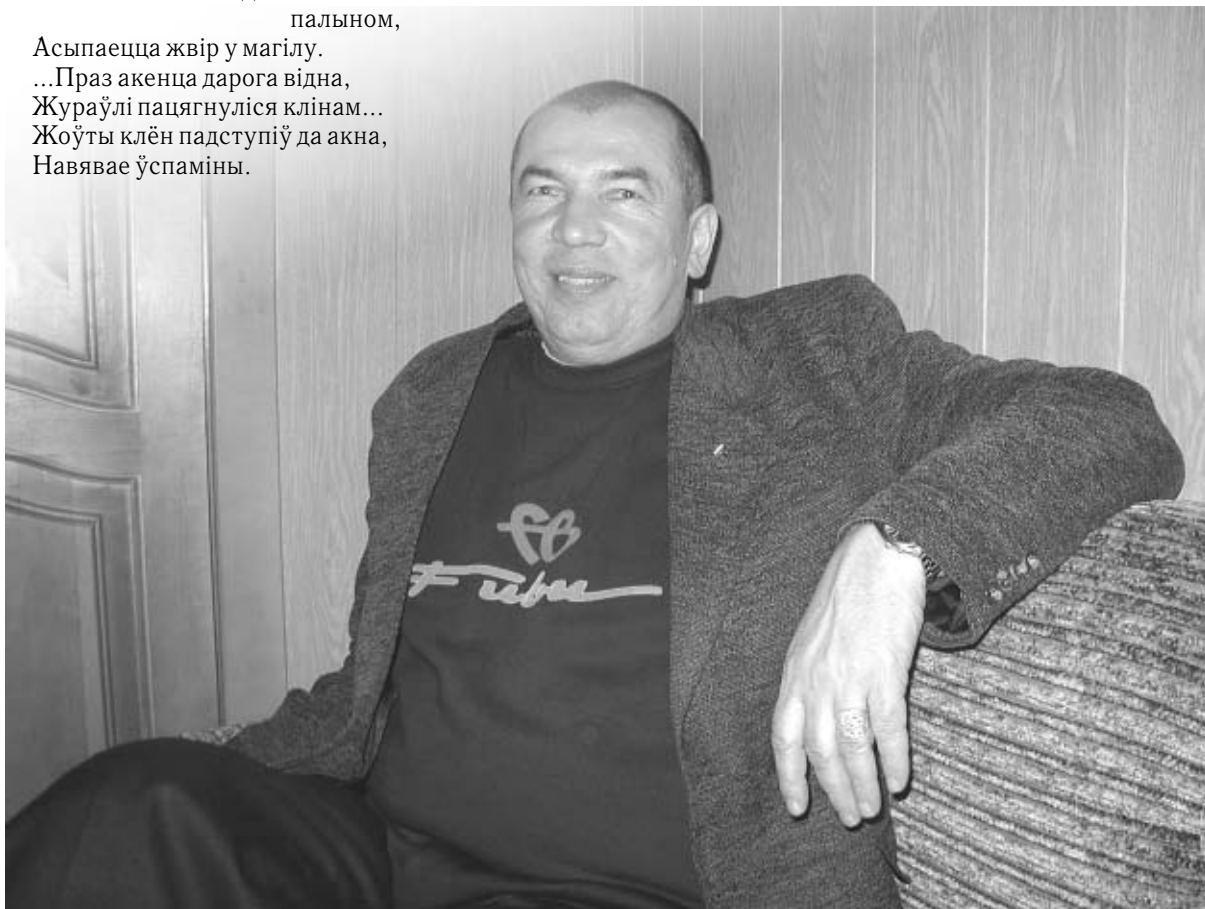
***

...Штрыхі то ўпоперак, то ўздоўж,
І лёгкая ў душы трывога...
Калі над Амстэрдамам дождж —
Іду на вуліцу Ван Гога.

А кроплі, быццам напаказ,
Б'юць па жалезе пругкім гулка,
І так цудоўна ў гэткі час
Хадзіць па брукаваных вулках.
Нашто тут плашч ці парасон —
Дождж сёння цёплы і лагодны...
Як добра, што ўсё — не сон,
Бляск ліхтара, трамвая звон...
І бурбалачкі, цуд прыроды,
Па лужах водзяць карагоды!

***

...Знак вяртання: лёгкі сум і асалода,
І валошкі разбрыліся зноў па жыце,
А ў лясах на Беларусі пахне мёдам.
І таму ў чужых мясцінах нам не жыці...

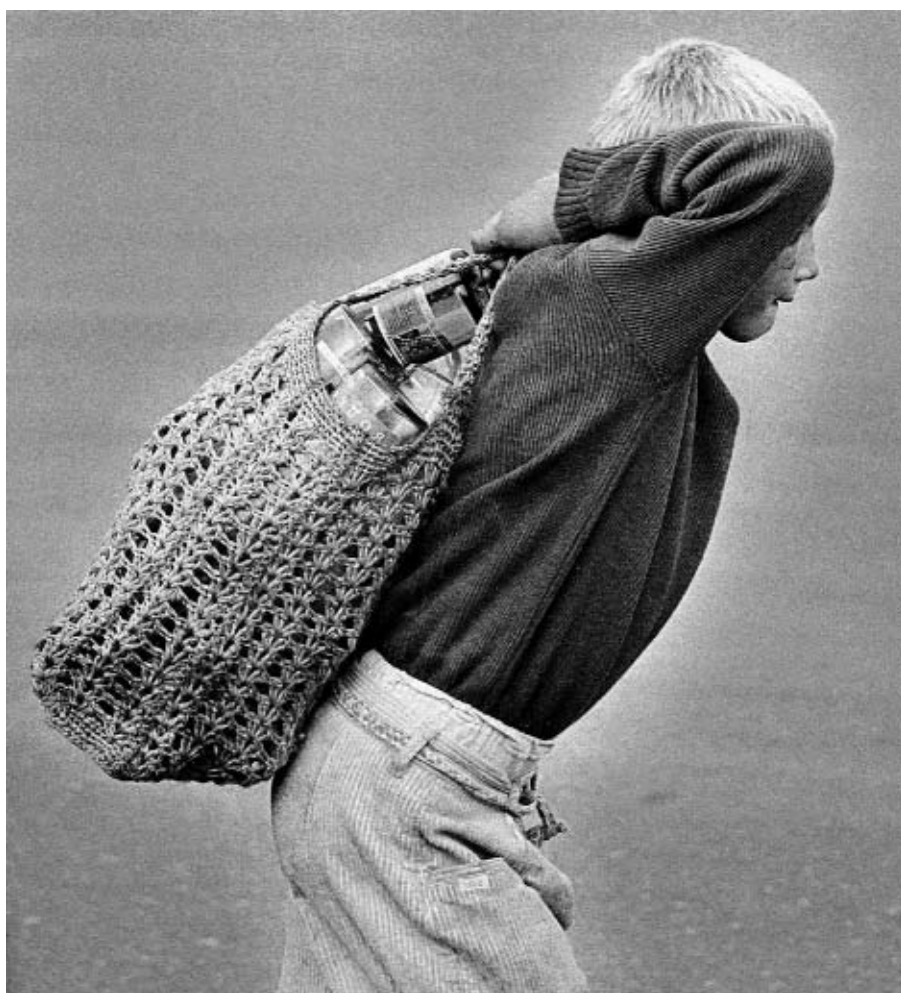

*Творчасць галоўнага
рэдактара
«Витебского курьера»
Уладзіміра Базана
адлюстроўвае жыццё
ў самых розных яго
праявах. Уладзімір —
аўтар цікавых
фотаальбомаў і
выстаў*

*Аб'ектыў іншым
разам распавядае
болей, чым мыгчыма
выказаць словамі.*

Уладзімір Базан

Осознанная необходимость

Еще совсем недавно — где-то 20, а где-то и 10 лет назад — журналистские расследования представляли собой некое хаотичное движение «белых ворон» от журналистики, которые рисковали своей карьерой, свободой и даже жизнью ради достижения довольно сомнительных целей. Сегодня важность такого рода деятельности признана во всем мире, и для ее развития создаются самые благоприятные условия. С этой необходимостью смирилась даже белорусская власть, которая, одной рукой уничтожая расследовательскую журналистику, другой вынуждена фабриковать для общества суррогатный заменитель.

Сергей САЦУК

Несущая конструкция

За всю свою историю человечество не изобрело лучшего института контроля над властью, чем средства массовой информации. Пресса не только информирует общественность о публичной деятельности вершителей людских судеб, но, что еще более важно, передает огласке скрытые от любопытных глаз факты и события. Если принцип разделения властей является своего рода фундаментом демократического общества, то сильные и независи-

мые СМИ, способные осуществлять функции общественного контролера, — это несущие конструкции, без которых здание демократии просто развалится.

Демократическим, или, как его еще называют, гражданским обществом высокоразвитых стран давно доказано, что журналисты-расследователи, или, как их еще называют, инвестигейторы, действуют намного эффективнее, чем десятки чиновничьих контролирующих структур. Речь идет не о сравнении профессиональных качеств госслужащих и журналистов — вовсе нет. Просто лю-

бой контролирующий орган, какие бы профессионалы в нем ни работали, всегда был, есть и будет государственной структурой, и, значит, государство в лице того или иного чиновника всегда будет заинтересовано скрыть от общественности негативные моменты своей деятельности. Смысл же работы журналистов-расследователей сводится как раз к тому, чтобы найти и придать огласке факты коррупции госслужащих, изучить и обратить внимание общественности на ту или иную проблему в гражданском обществе, промышленности, экологии и т. д., и т. п. В Швеции, которая по населению равна Беларуси, всего 12 тысяч полицейских, но зато в каждом городе, каким бы маленьким он ни был, есть независимая газета, на страницах которой периодически появляются журналистские расследования.

Из множества функций журналистики — развлекательной, познавательной, информационной — сегодня во всем мире на первое место выходит именно контролирующая. В демократических странах ни одна газета общественно-политической направленности не сможет выжить в конкурентной борьбе, если на ее страницах периодически не будут появляться журналистские расследования. Там гражданское общество развито так, что даже простой рабочий не желает чувствовать себя песчинкой под ногами сильных мира сего и хочет на равных участвовать в управлении если не страной, то хотя бы родным городом. Расследовательская журналист-

тика дает возможность пользоваться своими избирательными правами не вслепую, а осмысленно. Именно поэтому в демократических странах ответственные издатели тратят немислимые денежные средства на проведение всего одного расследования — дивиденды от роста тиража и популярности газеты затем окупают все расходы.

Необходимость развития журналистских расследований признана во всем мире. Как говорят ведущие исследователи, есть огромная масса журналистов — и есть ничтожно маленькая часть этой массы, элита, называемая инвестигейторами. Их так мало, что они нуждаются в особой защите не только со стороны общества, но и государства. В ряде стран для этого принимаются специальные меры. В Швеции, например, закон вообще освободил журналиста от какой-либо правовой ответственности за достоверность изложенных фактов — это забота издателя. В США получил широкое распространение так называемый принцип искреннего заблуждения, согласно которому за журналистом признается право на непреднамеренную ошибку. Эту норму приняла и Украина, причем задолго до «оранжевой революции».

Высший пилотаж во льдах

К сожалению, в Беларуси журналистов-расследователей можно пересчитать по пальцам. В то время как в Швеции их около 400 (и шведы утверждают, что это очень и очень мало), в нашей стране их наберется не более 15–20 человек, на которых уже смотрят как на вымирающих динозавров, безнадежно пытающихся выжить в условиях надвигающегося ледникового периода. Конечно, ряд факторов, затрудняющих развитие исследовательской журналистики, сегодня нельзя устранить. В настоящее время белорусскому журналисту гораздо проще и выгоднее подготовить пять, а то и десять обычных информационных сообщений, чем

провести одно расследование. Наши СМИ сегодня просто не в состоянии платить инвестигейтору столько, чтобы это компенсировало ему временные и материальные расходы, не говоря уже о затратах, связанных с обеспечением правовой и физической безопасности, что для Беларуси весьма актуально. Все эти факторы, возможно, устранятся в процессе развития гражданского общества в нашей стране. Но созданный белорусской властью «ледниковый период» для независимых СМИ спровоцировал ситуацию, в которой инвестигейторы попросту начали терять свою квалификацию. А это уже чревато серьезными последствиями для отечественной журналистики. Как сказал президент российского Фонда защиты гласности Алексей Симонов, журналистское расследование — это фигура высшего пилотажа в журналистике, без которой любая газета становится просто пресной. К словам известного российского журналиста нужно только добавить, что с пресными газетами, радио и телевидением пресная постепенно становится и наша жизнь.

Если просмотреть подшивки белорусских газет, то можно увидеть, что независимые журналистские расследования стали появляться у нас с середины 90-х годов прошлого столетия. Сначала они очень часто походили на сбор различных слухов, но постепенно, с развитием независимых СМИ и ужесточением гражданской ответственности журналистов, начали превращаться в достаточно профессиональные материалы. В 2000–2001 годах Отдел расследований «БДГ» был уже серьезной проблемой для белорусской власти, и в Совете безопасности РБ не раз ставились задачи найти и «прижать» журналистов, работавших в этом отделе. Все чаще достаточно профессиональные расследования стали появляться и в других изданиях: газетах «Народная воля», «Свободные новости», «Белорусская газета», журнале «Дело».

Серьезный вклад в развитие исследовательской журналистики был сделан, когда в феврале

2002 года «Белорусская деловая газета» начала выпускать ежемесячное приложение «БДГ. Для служебного пользования», которое объединило лучших инвестигейторов. Далеко не все материалы, выходявшие в этом издании, можно было назвать профессиональными расследованиями, многие и вовсе расследованиями не были, но газета представляла собой прекрасный станок, на котором инвестигейторы имели возможность отшлифовать свое мастерство. При хороших условиях «БДГ. ДСП» в течение десяти лет могла бы превратиться в своеобразную кузницу кадров инвестигейторов. Но в мае 2003 года белорусская власть начала открытую войну против независимых СМИ, и первыми ее жертвами стали «БДГ» и «БДГ. ДСП». Лишив издания печати, распространения, рекламы, власть подорвала их финансовую стабильность. В результате «БДГ. ДСП» оказалась практически в коме.

Сегодня проведение журналистского расследования в Беларуси — весьма непростое и подчас довольно опасное занятие. В процессе работы над какой-либо темой инвестигейтору часто приходится одновременно решать массу всевозможных проблем, начиная от этических и заканчивая задачами обеспечения безопасности — своей и людей, предоставляющих информацию. В современном белорусском обществе, которое день ото дня становится все более закрытым, количество подобных сложностей постоянно возрастает. Одному человеку с ними просто не справиться. Кроме того, подорвав финансовую самостоятельность многих независимых изданий, власть лишила инвестигейторов и материального стимула работы. Расследования стало проводить не только трудно и опасно, но еще и абсолютно невыгодно.

В ноябре 2003 года для устранения негативных факторов, препятствующих развитию этой сферы журналистики, несколько наших коллег объединились в Творческую мастерскую «Агентство журналистских расследований»,

входящую в структуру ОО «Белорусская ассоциация журналистов».

Негативные факторы

Согласно ст. 34 Конституции Республики Беларусь, «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы». Подобные же права предоставляет журналистам и ст. 32 Закона «О печати и других средствах массовой информации». Но данные нормы закона практически не действуют. Журналисты-расследователи вынуждены добывать информацию неофициальным путем, что влечет за собой серьезные дополнительные расходы времени и финансовых средств, а также увеличивает профессиональный риск допустить ошибку. Если в Украине за неточности не наказывают, то у нас это повод поквитаться с неудобным изданием.

Следует также учитывать, что сегодня гриф секретности на документах имеют право ставить все государственные министерства и ведомства, даже Министерство культуры. Это ограничивает доступ к любой информации, которая отражает деятельность власти, даже с позитивной стороны.

Путем аккумуляции в ТМ «АЖР» людских ресурсов, в том числе из государственных СМИ, информационную изоляцию белорусских инвестигейторов удалось отчасти преодолеть. Если два года назад ведущие журналисты соперничали друг с другом и неохотно делились информацией, то сегодня ради выживания

конкурентная борьба на время забыта. При проведении ряда расследований по проектам ТМ «АЖР» в одной группе для совместной работы объединялись журналисты из двух-трех конкурирующих изданий, что, конечно же, дало положительный результат. Наладить такое сотрудничество оказалось непросто, так как редакторы некоторых изданий, напрямую не сталкиваясь с проблемой дефицита информации, узрели со стороны мастерской не хорошего помощника в проведении расследований, а некую угрозу своему имиджу. Но непонимание было успешно преодолено.

Белорусским инвестигейторам удалось заинтересовать журналистов в проведении расследований, частично решить проблему возникающих в связи с этим затрат, а также укрепить правовую защищенность авторов, которые получили возможность осуществлять предварительную юридическую экспертизу своих материалов.

К сожалению, правовая уязвимость журналистов сегодня является основным фактором, препятствующим развитию расследовательской журналистики. Проведение юридической экспертизы укрепляет позиции журналиста, но, как показывает практика рассмотрения в суде дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, таких гарантий явно недостаточно.

Общество страха

Чувство собственной правовой защищенности играет огромную роль в развитии расследовательской журналистики. Независимый общественно-политический еженедельник, никогда не лезший в большую политику и потому благополучно выживавший все последние годы, решил начать публикацию материалов под рубрикой «Расследование». Одним из первых таких расследований стала статья об известном «воре в законе», умершем около десяти лет назад. Это была переделка материала, опубликованного два года назад в «БДГ. Для служебного пользования». Тем не

менее главного редактора вызвали на беседу в Управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД, сказали, что негоже рекламировать воровской мир, и предупредили, чтобы подобного больше не было.

Подобные претензии, кстати, в свое время предъявлялись и к «БДГ. ДСП». Но поскольку «рекомендации» не были основаны на законе, от них легко отмахнулись, причем без всяких последствий. А для главного редактора упомянутого еженедельника одной беседы оказалось достаточно, чтобы рубрика «Расследования» исчезла со страниц его издания бесследно. Подобных примеров можно привести огромное множество.

Сегодня белорусские власти создали в республике общество страха — даже законопослушный гражданин может быть привлечен к ответственности только потому, что он случайно перешел кому-то дорогу. Журналисты и издатели и вовсе сидят на пороховой бочке, не зная, от чего и когда вспыхнет злополучная искра. Определенную защищенность инвестигейторам мог бы гарантировать независимый суд, но о таком пока приходится только мечтать.

Вечные заложники

Судебные разбирательства вокруг журналистских расследований — во всем мире довольно распространенная практика. Но даже при самом объективном рассмотрении дела приятного в судах мало. Поэтому многие журналисты никогда в жизни не станут заниматься расследованиями, предпочитая более спокойное поприще. Понимая, что страх получить иск отбивает у многих талантливых журналистов охоту рисковать, в демократически развитых странах пошли по пути максимального освобождения инвестигейторов от судебной ответственности. В Беларуси же, напротив, ее максимально усилили.

Согласно п. 1 ст. 209 и п. 7 ст. 153 ГК РБ на требования об

опровержении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина или деловую репутацию юридического лица, а также на требования гражданина о компенсации морального ущерба срок исковой давности не распространяется. По истечении определенного времени журналисту становится все труднее подтвердить свою правоту: письменные доказательства могут быть утрачены, свидетели забывают обстоятельства, имеющие значение для вынесения судом правильного решения, либо вовсе исчезают и т. д., и т. п. В результате, чем дольше срок, прошедший с момента опубликования статьи, тем больше вероятность вынесения судом несправедливого решения. Через десять лет редкий журналист сможет доказать правдивость сообщенной им когда-то информации. И уж точно никто не станет хранить эти сведения всю жизнь.

Кроме того, как показывает судебная практика, очень часто претензии возникают к той информации, в отношении которой сам журналист никогда бы не подумал, что она посягает на чью-либо честь. Фактически получается, что журналист, и особенно занимающийся расследованиями, всю свою жизнь находится в заложниках у героев своих публикаций. Ощущение, надо сказать, не из приятных.

Между тем, по мнению экспертов, честь и достоинство человека больше всего страдают в первые дни после публикации. В это время люди обычно обращаются в суд. Подача же иска через несколько лет свидетельствует лишь о том, что человек хочет отомстить и обогатиться за чужой счет.

На необходимости установления сроков исковой давности для дел о защите чести и достоинства человека советские ученые-юристы заостряли внимание еще в 60-е годы прошлого столетия. Высказывалось мнение, что правоприменительная практика в конце концов поставит этот вопрос на повестку дня законодателей. В

Беларуси этого не произошло до сих пор.

Мнения о мнениях

Весьма серьезной проблемой для инвестигейтора сегодня является и неблагоприятная правоприменительная практика белорусских судов. Например, согласно Закону «О печати и других СМИ», оспариваться в судебном порядке могут только сведения, но никак не мнения и суждения о данных сведениях или их оценки. По смыслу статьи 153 ГК РБ сведения — это утверждение о факте, которое можно проверить на предмет его соответствия действительности.

В философском словаре указано, что «факт — это синоним таких понятий, как истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего. Факт как форма эмпирического знания противопоставляется в философской науке теории и гипотезе».

«Мнение — это недостоверное субъективное знание, точка зре-

ности. Возможность их выражения — вопрос свободного самоопределения человека, на которое никто не должен оказывать насильственного воздействия: ни другой человек, ни государство, ни общество.

Ст. 33 Конституции РБ тоже гарантирует каждому человеку свободу мнений, убеждений и их беспрепятственное выражение. Эта конституционная норма соответствует статье 10 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека, провозгласившей, что каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Европейский суд по правам человека вынес немало решений, основанных на этой статье, последовательно проводя при этом границу между констатацией фактов и оценочными суждениями.

В верховном суде США тоже выносились прецедентные решения, позволяющие отделить факт от мнения. В частности, судья Паул в деле Герца высказался так: «...Не существует понятия ложной идеи. Сколь бы вздорным ни казалось мнение, не дело суда его поправлять. Оно может быть оспорено лишь в кон-

ния по тому или иному вопросу отдельного человека, группы, общества».

Даже российские законодатели давно признали в официальном комментарии к Конституции РФ, что мнения и убеждения человека — это часть его внутреннего мира, определяющая своеобразие и неповторимость лич-

куренции с другими мнениями».

Сегодня во всех демократических странах допускается, что личное мнение может быть не просто спорным, но и прямо оскорбительным. Даже в том случае, если говорящий — почтенный человек и то, что он говорит, вполне принимается слушателями. Мировой общес-

твенностью было признано, что установить, каким образом можно регламентировать выражение личного мнения, — за пределами возможностей или надлежащей юрисдикции судебных органов. Признано, что определить истинность или ложность личных мнений, по самому их характеру, просто невозможно.

С точки зрения международных экспертов, опровергать оценочные суждения можно только тогда, когда из них с необходимостью следует вывод о совершении лицом определенных действий, причем такое заключение должно быть однозначным, не допускающим каких-либо вариантов. Например, если высказать мнение, что такой-то человек вор или мошенник, оно будет равносильно обвинению в целом ряде преступлений. Поэтому подобные оценочные суждения могут быть опровергнуты в суде. Но только такие. В других случаях доказать несостоятельность того или иного мнения можно путем

использования права на ответ, предусмотренного ч. 3 ст. 153 ГК РБ: «Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законодательством интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации».

Закон и толкователи

Между тем в белорусских судах происходит прямо противоположное, что создает серьезную угрозу для развития не только расследовательской, но и всей журналистики в целом. Если инвестигейтор проведет расследование, соберет определенные факты о деятельности какого-либо лица или органа, а затем попросит известного эксперта прокомментировать эти сведения, то журналист, согласно толкованию закона белорусскими судами, будет нести ответствен-

ность не за соответствие фактов и сведений действительности, а за мнение эксперта.

Например, в «БДГ» было опубликовано интервью с бывшим начальником факультета заочного обучения Академии МВД, в котором он сказал дословно следующее: «Есть нормы элементарной порядочности, а нынешний начальник Академии МВД не соблюдает даже их. Приведу конкретный пример...»

Дальше приводился пример, на основании которого у начальника факультета сложилось мнение, что руководитель Академии не соблюдает нормы элементарной порядочности. Подал в суд иск на редакцию «БДГ» и автора статьи, Академия МВД оспаривала не приведенный факт, а мнение, высказанное на его основе. Позиция истца была довольно противоречивой, поскольку он сначала сказал, что в мире не существует четкого критерия определения порядочности человека, а потом в прениях заявил, что от-

Уже 5 лет журналисты и неравнодушные граждане пытаются узнать о судьбе исчезнувшего телеоператора Дмитрия Завадского

ветчикам не удалось доказать факт nepopядочности начальника Академии. Журналист и редакция «БДГ» пытались оперировать положениями закона и показать суду, что суждение о приведенном примере, то есть о факте, не может быть оспорено в суде, а если у Академии есть на этот счет свое мнение, редакция его с удовольствием опубликует. Согласившись с тем, что оспариваемый фрагмент является мнением о факте, судья тем не менее удовлетворила иск — на том основании, что негативное суждение о начальнике Академии МВД наносит вред деловой репутации этого учебного заведения.

Аналогичная ситуация сложилась и отношении применения образных средств языка. К сожалению, сегодня довольно часто истцы добиваются компенсации, оспаривая такие образные выражения, как «поставил банк на колени», «в бюджете банка образовалась большая дыра», «пустили по ветру», «Слон и Моська», «желание прикрыть свои тылы, когда на горизонте маячат неприятности» и т. д. Хотя за каждым из подобных выражений стояли отраженные в статьях конкретные факты, которые не оспаривались, белорусские судьи во всех случаях склонны были считать, что такие формулировки не допустимы, а следует писать вместо «поставил банк на колени» — «заключил невыгодный контракт, повлекший серьезное ухудшение финансового состояния банка». К сожалению, Пленум Верховного суда Республики Беларусь в своем постановлении не уделил внимания данному обстоятельству, хотя, как показывает практика, время для этого уже давно пришло, потому что без образных средств любой журналистский материал, в том числе и расследование, становится серым и неинтересным.

Здесь белорусскому суду следовало бы поучиться у Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Башкирской АССР, подавшей весьма достойный пример при рассмотрении дела гражданина Безносохина, обратившегося с иском к редак-

ции газеты «Советская Башкирия».

«Коллегия считает, что ст. 7 Основ гражданского законодательства нельзя понимать в том смысле, что гражданам и организациям предоставлено право оспаривать в судебном порядке авторские обрисовки, сравнения, отдельные штрихи, авторские отступления и т. п. в той или иной газетной статье; без этого не может обойтись ни одна статья, как результат... творчества автора и его отношения к фактам... Судебная защита чести и достоинства граждан и организаций мыслится ст. 7 обоснованной тогда, когда в основе такой обрисовки лежат не соответствующие действительности факты».

В США, например, существуют фигуры речи, которые совершенно исключаются из сферы гражданской ответственности. Какими бы глупыми или безвкусными ни были клички и прозвища, они не обладают исковой силой по общему праву. Считается, что репутация истца от такого рода ругательств не страдает, так как едва ли их воспринимают как фактическую оценку характера человека. На самом же деле такого рода прозвища, скорее всего, дискредитируют того, кто их произносит, а не того, на кого они направлены.

Будущее белорусских инвeстигeйтоpов

Сегодня белорусские журналисты, занимающиеся расследованиями, поставлены в весьма невыгодные условия в сравнении со своими зарубежными коллегами. В целях собственной правовой безопасности нам приходится не только обращать особое внимание на соответствие конкретных сведений действительности, но и весьма осторожно высказывать мнение (как свое, так и чужое) по этому поводу. Впрочем, даже во имя безопасности нельзя обойтись без употребления в журналистском материале образных фигур речи. И, зная о правоприменительной практике белорусских судов, инвeстигeйтоpы рискуют, уповая на то, что

когда-нибудь ситуация изменится. Это не «оголтелый оптимизм». Гражданское общество неуклонно идет вперед в своем развитии, и белорусской власти от прогресса никуда не деться.

Это видно даже по ситуации, которая сложилась вокруг журналистских расследований. После резкого сокращения числа таких статей в независимых СМИ белорусская власть была вынуждена на свой лад утолять информационный голод общества и устранять дефицит подобных материалов. Сегодня журналистские расследования начали еженедельно появляться на страницах «СБ», «Республики» и других государственных СМИ. Пока эти суррогатные разоблачения, согласованные с ответственными лицами в Администрации президента, в правительстве и даже с самими разоблачаемыми, худо-бедно удовлетворяют спрос читателей. Но сегодня трудно найти такую страну, где люди достаточно долго довольствовались бы ролью безмолвных рабов, не имеющих возможности принимать активное участие в жизни страны. В свою очередь, осмысленные решения невозможны без получения полной и объективной информации о деятельности державных лиц, особенно тех сведений, которые власть по той или иной причине хотела бы скрыть от общественности.

Поэтому как бы власть ни крутилась, как бы ни душила независимые СМИ, как бы ни преследовала инвeстигeйтоpов, приоритетным направлением развития мировой журналистики уже признаны расследования. Это непреложный факт, не требующий доказательств своего соответствия действительности.

ТЮРЕМНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу применение различных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных.

Но личный опыт и рассказы десятков наших граждан, прошедших через отечественные «исправительные» заведения, позволяют мне утверждать, что тюремные учреждения Беларуси осуществляют только одну функцию — делают из человека бессловесную скотину, покорно, с понурой головой выполняющую волю власти.

«Запомните, вы здесь никто!» — с такого «приветствия» в белорусских тюрьмах начинается прием прибывающего контингента. Именно такими словами встречали меня и в столичном СИЗО на Володарке, и в образцово-показательном тюремном учреждении города Жодино, в котором содержат приговоренных к пожизненному заключению.

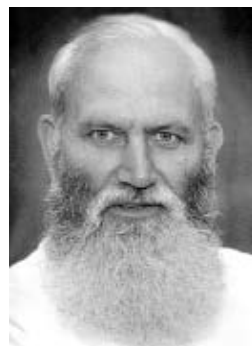
Превращение в «никто» начинается с лишения информации. Формально лица, находящиеся в заключении, имеют право смотреть телепередачи, слушать радио, вести переписку, читать газеты и даже разговаривать по телефону (ст. 84–89 УИК). Но, во-первых, телевизоры имеются далеко не во всех камерах, а во-вторых, в колониях включаются лишь после 18.00. И посмотреть новости в то время, когда по другим каналам идут фильмы, весьма проблематично. Даже если в этой камере — твой личный телевизор. Правда, за последнее десятилетие участились случаи «сбоя в телесетях», когда все каналы на территории нашей страны показывают одно и то же. И тогда проблема выбора — смотреть или не смотреть, слушать или не слушать — исключается из разряда людских желаний и пристрастий.

Прослушать радионОВОСТИ в жодинской тюрьме мне тоже не удавалось. Громогласно репродуктор раздавал лишь предупреждения зэкам (запрещается, запрещается, запрещается...) и музыкальные ритмы. Но как только

начиналась трансляция новостей, радио переходило на шепот. Разобрать слова становилось невозможно, даже стоя под динамиком.

Письма подлежат цензуре. Демократично это или нет — вопрос спорный. Но ведь цензура в белорусских тюрьмах заключается не только в прочтении, а и в уничтожении написанного. В результате такой «цензуры» редакция «Народной воли» не получила ни одной из 17 отправленных мною из жодинской тюрьмы статей. Испарился и ряд писем, адресованных жене и коллегам. Сколько писем не дошло до меня в тюрьму, сказать трудно, поскольку далеко не все отправители связывались со мной после моего выхода на свободу. А все попытки подать в суд на жодинское учреждение МВД за нарушение моего права на отправку и получение писем без ограничения их количества наткнулись на неприступный судебский бастион: «Тюрьма зэку неподсудна!».

Подписаться на газеты в камере действительно можно. Но получать периодику начнешь через два месяца. А при переброске арес-

Валерий ЩУКИН

танта из одного тюремного учреждения в другое — вновь перерыв минимум в месяц. Передавать же газеты заключенным с воли запрещено. Стационарный или выездной киоск «Союзпечати» в белорусских тюрьмах — из разряда научно-юридической фантастики. А во все том же Жодино мне заявили, что в этом образцово-показательном тюремном учреждении разрешается читать только государственные газеты — и никаких оппозиционных изданий...

В следственных изоляторах должны выдавать одну газету на 25 заключенных. Не определена, впрочем, периодичность таких «раздач». Поэтому некоторые СИЗО для себя решили, что достаточно давать чтиво раз в неделю. Изоляторы временного содержания вообще не снабжают заключенных прессой, хотя обязаны это делать, как определено в законе о порядке содержания под стражей. Большинство колоний подписку для читального зала не оформляет и бесплатных газет осужденным не предоставляет.

Телефоны-автоматы в местах заключения — из разряда инопланетного. Мои неоднократные попытки во время отбывания очередного ареста позвонить из Витебска по собственному мобильному успехом не увенчались. И это притом, что не только закона, но даже подзаконного акта (инструкции), запрещающего

арестованному (под контролем администрации, естественно) звонить по собственному мобильному телефону, нет.

Особенно зверствуют тюремщики при водворении заключенных в штрафной изолятор. К слову, предельные сроки содержания в карцере в Уголовно-исполнительном кодексе не оговорены. Не сгибающих голову можно не выпускать оттуда годами. Лично меня в ШИЗО жодинской тюрьмы продержали 20 суток подряд. По всей видимости, это продолжалось бы и дольше, да закончился срок отсидки.

В соответствии со статьей 114 УИК водворенным в ШИЗО запрещаются свидания (в том числе и с адвокатом!!!), телефонные разговоры, отправление и получение писем. Однако тюремщики сверх ограничений, установленных законом, самоуправно лишают штрафников возможности слушать радио (отсутствует в камере), смотреть телепередачи (не позволяют брать с собой телевизор), читать книги и делать записи.

О книгах хочется сказать особо. Попадая в тюрьму или колонию, человек неожиданно для себя обнаруживает, что у него масса свободного времени. Заключенные убивают время чтением.

Фонды тюремных библиотек формировались в 70-х годах прошлого века и с тех пор практически не обновлялись. В 90-х годах, когда шла ликвидация профсоюзных и районных библиотек, все устаревшие издания передавались в тюрьмы. В результате именно здесь можно найти полное собрание сочинений В. И. Ленина, учебники по научному коммунизму, партийные, советские мемуары и классические соцреалистические романы. Однако спрос на такую литературу, как утверждают заключенные и вышедшие на волю, отсутствует.

Но в последнее время некоторые тюремные библиотеки сформировали альтернативные, неофициаль-

ные фонды за счет добровольных пожертвований (в том числе и от Белорусской ассоциации журналистов), а также книг, изъятых при обысках и полученных от заключенных взамен утраченных. Популярны у сидящей публики бандитские романчики и фэнтези.

Учет книг в тюремных библиотеках своеобразный. «Двойная бухгалтерия» продиктована спецификой читателя. Он сам не знает, сколько времени пробудет в тюрьме и когда его этапируют в ИВС или колонию. В результате часто книги пропадают, а долг взыскать не с кого. Заведующему

библиотекой пришлось бы ежедневно тратить время на составление протоколов о пропаже и оформлять списание книг. Но обходятся без бумажной волокиты — просто камере, где пропала книга, отказывают в обслуживании до тех пор, пока не будет предоставлена замена.

В СИЗО книги меняют раз в 2 недели и сразу на всю камеру. В колониях за каждым отрядом закреплен библиотечный день, и обслуживание индивидуальное. Кроме того, в колонии обязательно потребуют за книгу залог в той или иной форме.

Руководство МВД не раз заявляло об отсутствии препятствий к получению книг, журналов и газет заключенными и осужденными. Ведь это чуть ли не единственный способ поддержания социальных связей людей, изолированных от общества, с внешним миром. А без этого не возможно формирование правопослушного поведения у осужденных. Не возможно и подготовить человека к освобождению из мест лишения свободы, если он полностью оторван от реалий жизни на воле.

Однако, если в СИЗО почти не возникает проблем с получением периодики (через передачи), то, например, в ИК-8 (г. Орша) зарегистрированные в Беларуси газеты и журналы запрещено вносить в зону после длительного свидания. Пресса изымается из заказных писем и посылок и осужденным не выдается. При этом протокол изъятия не составляется.

С книгами ситуация иная. Скорее всего, их пропустят при передаче в изолятор временного содержания, предложат подарить библиотеке СИЗО с правом первого прочтения, а в колонии разрешат получить в виде бандероли (на усиленном режиме — 2 раза в год весом до двух килограммов).

Очень трудно понять логику подобных ограничений. Ведь родственники заключенных фактически решают основную проблему мест лишения свободы — находят для осужденных приемлемое занятие.

Если опасения вызывает то, что в зоны могут проникнуть запрещенные издания, — то ведь контроль можно осуществлять по каталогам почты. Если проблема в том, что книга или газета могут быть ненастоящими и содержать сведения преступного характера, — то разве во время длительного свидания с родственниками осужденные не могут договориться о чем угодно?

ТАМ НЕМАГЧЫМА ЗАСТАЦЦА САМ-НАСАМ

Сёння, глядзячы на памеры і сур'ёзнасць тых прысудаў, якія ў Беларусі выносяцца па «палітычных» артыкулах крмінальнага кодэкса, разумееш, што ў свой час усё для цябе яшчэ ўдала скончылася. Толькі сем месяцаў у самай лепшай спецкамендатуры Беларусі (ёсць адпаведны дыплом, на ўласныя вочы бачыў). Пад несупынным кантролем тэле-радыё-газет-калегаў літаральна з цэлага свету. У сённяшніх умовах гэта ўсяго толькі «tale riwo», як кажуць палякі. Гэта шмат у чым надзвычай запамінальны час, яго, безумоўна, можна было выкарыстаць нейкім іншым чынам, але ж...

Павел МАЖЭЙКА

Упершыню за два «пост-хімічныя» гады перагарнуў свае нататкі з тых часоў і з тых месцаў. Раней не адчуваў ані патрэбы, ані жадання. Першае, на што трапляю ў нататкі:

«Начальнік «хіміі» Кузьміч, адпускаючы перад Новым годам дахаты, сказаў геніяльна мянтойскае: «Тое, што ў цябе няма парушэнняў, — гэта не твая заслуга, гэта нашая недапрацоўка».

Ізноў з размовы: *«Маё знаходжанне на асуджэнні начальнік парайнаў з лесніцкай, дзе працую. Калі бярвёна заганяюць у варштат, выйсці яно можа альбо ройным цэльным брусам, альбо дзесяткам тонкіх дошак. Ведаю, што хачу выйсці адсюль цэльным брусам, а не складзенем рознага памеру крывалячча без сэрца і галавы...»*

З усіх дзён наймацнейшыя і найяскравейшыя ўражанні пакідае, безумоўна, першы.

...Сяджу за белым доўгім сталом, на якім ляжыць белы крыж і стосы пратэстанцкай літаратуры, на сценах — цытаты з Евангелляў. Гэта я ў пакойчыку-малельні евангельскіх баптыстаў. Мае новыя суседзі, вымушаныя жыццёвыя спадарожнікі, цягаюць штангу, круцяць тэлевізарці проста пайшлі на вакзал сустракаць «кешары» ад бацькоў. У малельні адзінае месца, дзе можна спакойна і ўважліва азірнуцца на першы дзень майго гадавога абмежавання волі. Пазней выразна зразумею, што найгоршае ў зняволенні — нават не ўласна фізічная няволя, не антычалавечыя ўмовы і твая бяспраўнасць, а адчуванне таго, што ты ніколі і нідзе не можаш застацца адзін, ты ўвесь час пад наглядом, увесь час адчуваеш

Павел Мажэйка валодае не толькі асадкай

Самым каларытным з «хімікаў» быў усё ж Віктар Івашкевіч

прысутнасць калі не міліцыянтаў, дык калегаў-сядзельцаў.

Будынак «хіміі» звонку нічым асаблівым не ўражае — звычайны інтэрнат, хіба што краты на вокнах. Усё, што адбываецца да самага вечара, праходзіць нібы ў нейкім тумане. Запаўняю нейкія карткі. Зачытваюць нейкія абавязкі і нават правы...

«Адразу за ўваходам з шыльдачкай «ІОУТ № 1 Жлобінскага раёна» (побач— выява на сцяне: буслы ляцяць невялічкі хол, месца для сус-трэчай. Тут, за кратаванымі дзвярыма, і ёсць тэрыторыя «хіміі». Праваруч зашклёная «дзяжурка» — выхад за краты толькі з дазволу дзяжурнага. Выхад у горад — абавязковы запіс з адзнакай, куды ідзеш, прозвішча, нумар пакоя. Дзяжурны на свой густ вызначае, на які час дазволіць выхад... «Хімікі» займаюць увесь другі паверх. Блокаў — 16. У нашым блоку са мной шасцёра. У кожным блоку па два пакоі, рука-мыйнік, прыбіральня, кухан-ка. Умовы жыцця трапна ахарактарызаваў сусед:

«Іншыя і такіх не маюць». Да-рэчы, зайважыў: тут амаль ніхто не гаворыць «мне далі два ці тры гады». Кажуць: мне засталася два ці тры гады».

...Размаўляю з начальнікам «хіміі» Юрыем Кузьмічом. Той раіць «спусціцца на зямлю», бо, маўляў, жыць тут мне цэлы год. Кажэ, што аніякіх распараджэн-няў адносна мяне з Менску не паступала — таму жыць буду «як усе». Запытваюся, а што будзе, калі паступяць? Начальнік адказвае, што знойдзе годны адказ. Верыцца з цяжкасцю, але размова з Кузьмічом неяк супакойвае. Праўда, свое-часова бяру сябе ў рукі, бо ўсё ж усведамляю: перада мной міліцыянт, начальнік, а я асуд-жаны, крымінальнік, і балбатаць са мной ён будзе толькі дзеля сваёй карысці. Так і атрымліва-ецца. Напрыканцы размовы Кузьміч, пачынаючы здалёк, за-прашае да «супрацоўніцтва»: ты, маўляў, не падумай, што гэта стукатства, проста, як што бу-дзеш бачыць, у нашых агульных інтарэсах, каб ты пра гэта паве-даміў. «Так шмат хто робіць!»

Біць сябе ў грудзі і крычаць «ды я не такі» я не стаў, прапанову выслухаў моўчкі...

«На лесаліні ўзгадваю словы аднаго журналіста-па-ляка. Ён, шчыра імкнучыся падтрымаць, апавядаў пра сваю гадавую адсідку ў поль-скай турме яшчэ за ваенным становішчам. Скажаў, што яму было горш, бо на працягу года ён штодня з маленькага акенца камеры бачыў вер-шаліны соснаў, але не мог да іх дакранацца. Не ведаю, што лягчэй. Штодня ТОЛЬКІ (!!!) бачыць сосны і марыць пра волю ці ўсё ж, як на беларус-кай «хіміі», мець магчымасць дакранацца рукамі да дрэваў, адчуваць іх водар і гарачыню, адчуваць свабоду і... пасля САМАСТОЙНА вяртацца ў камеру. У гэтым увесь здзек «хіміі».

...А 15-й гадзіне выходжу на сваю першую праверку. Усе асуджаныя на пранізлівы — выдзержывушы — званок сыход-зяцца на першым паверсе. У мой заезд па спецкамендатуры дзяжурны малады самазадаво-

Мікола Маркевіч на казённым ложку

лены і самазамілаваны старшыня Васіліч. Седзячы ў дзяжурцы, Васіліч — у адной руцэ цыгарэта, другой дзелавіта ганяў прусака па сталю — тлумачыў мне побыт «хіміі». Дзяжурны напайголасу называе прозвішчы па пакоях. Яго амаль не чуваць, але сістэма праверкі адпрацавана. Трэба сачыць за старэйшым твайго блоку: ён пайшоў — цяпер чакай свайго прозвішча.

«Учора «хімікі» набылі мне «Нашу Ніву» з маім здымкам, дзе я на тартаку. Носяцца сёння з газетай па ўсіх «хатах». Раблю выгляд, што для мяне гэта звыкла, хаця сам ад сэрца ўдзячны калегам, што не забываюць».

...У маім блоку 208 старэйшы — 39-гадовы аліментшчык Вася, мужык ніштаваты, пад ягоныя байкі засынае ўся «хата». Дзіўна, але ў блоку мяне чакалі. Хтосьці пачуў па «Свабодзе», што нейкага журналіста накіравалі ў Жлобін. Ігар (другі мой сусед, нібыта хабарнік, са Светлагорска) нават дамаляваў яшчэ адну вольную клетку на

графіку дзяжурных па блоку. Мой трэці сусед — Коля-Колька, яшчэ адзін аліментшчык. На вечаровы жарт Ігара, маўляў, давайце прайдзем на беларускую мову (гэта дар у мой бок!) хаця б з 24 гадзінаў да 6-й раніцы, Коля-Колька, не зразумеўшы, адказаў: «Я рускі», — і дадаў: «Праўда, напалову»...

«Сёння быў «шмон». «Шманалі» ўсю спецкамендатуру. Вярнуўся з працы — у «хаце» ўсё папераварочвана, ложка параскіданыя, з шафаў і торбаў усё павыкідана. У нас у блоку яшчэ больш-менш. У іншых «мянты» нават замкі зрываюць, узломваюць шафы, проста на падлогу ўсё з паліцаў вытрасалі. Паразбівалі нават слоікі з гуркамі. Знайшлі ў адной з «хатаў» бутэльку «кампоту» і два касыкі з траўкай. А я зранку на леспільні, каб заняць чым галаву, думаў, што яшчэ не ўсё спазнаў на «хіміі» — шмону яшчэ не было. Насурочыў...»

Першы сон: прысніў, што спазніўся на праверку і атрымаў нарад: міліцыянты са спецка-

мендатуры страляюць на палігоне, а я мушу хавацца і ўцякаць ад куляў. Прачнуўся задаволены: уцёк!..

У сакавіку 2005 нечакана атрымліваю ліст з «зоны». Піша Вася, той самы «хімік»-аліментшчык, з якім сем месяцаў прасядзелі разам у адным блоку папраўчай установы адкрытага тыпу № 1 г. Жлобіна:

«Здравствуй, Павел. Пишу тебе из Могилева. Снова устроил себе и родным эконом. Снова отбываю наказание... Вспоминаю нашу белорусскую суполку. Правда, и газет, каких хотелось бы, не хватает, ты научил особенные читать. Хотя должен скоро выписать «Народную Волю»... Часто здесь сборник стихов, подаренный тобой, вспоминаю... Напиши, как работа и коллеги по журналистскому цеху — Гена из Минска и моя землячка журналистка — и, конечно, считал бы, как и прежде, газеты из Глубокого, Слонима и, конечно, Гародні...»

Защити себя сам!

Правовой всеобуч журналистов — одно из условий обеспечения профессиональной безопасности

Михаил ПАСТУХОВ

Среди журналистов независимых печатных изданий мало сотрудников со специальным высшим образованием. Конечно, это сказывается на качестве материалов, на их жанровом разнообразии. Но самое тревожное, что пробелы в профессиональной подготовке нередко приводят к «проколам» юридического характера. Свидетельством тому являются иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявляемые к редакциям газет и авторам «крамольных» публикаций. То же самое относится и к предупреждениям, которые все шедее раздают независимым изданиям «контролирующие»

органы: Министерство информации и прокуратура.

Безусловно, нельзя обвинять в этих «напастях» только журналистов и редакторов. С каждым годом административное, идеологическое, экономическое давление на независимую прессу возрастает. Вместе с тем, определенная доля вины за санкции, примененные в отношении газет, лежит на пишущей братии. И основной причиной случившихся бед следует признать слабое знание закона и некоторых особенностей правоприменения «по-белорусски».

С момента организации Центра правовой защиты СМИ при Белорусской ассоциации журналистов (август 1997 г.) одним из приоритетных направлений его

деятельности стало правовое просвещение журналистов. Юристы Центра использовали любые возможности, в том числе трибуну конференций и семинаров, чтобы разъяснить те или иные положения законодательства, подчеркнуть важность изучения правовых основ журналистской деятельности. Однако следует честно признать, что в то время юридическая тематика мало волновала представителей свободной журналистики. Тогда власти еще не столь активно и жестко «наезжали» на независимые СМИ и порой сквозь пальцы смотрели на «мелкие шалости» журналистов.

Но год от года ситуация менялась в худшую сторону, контроль за деятельностью независимых

Мы благородные манеры блюдем в запарке и в простое...

Наш опыт дорогого стоит,

Но учат на чужих примерах!

газет все больше ужесточался. В таких условиях даже малейшие отступления от требований законодательства могли закончиться не только окриком чиновника, но и предупреждением, а то и приостановлением деятельности газеты без права на дальнейшее существование. Особенно сложной оказалась ситуация для журналистов региональных изданий. Им приходилось выживать практически в одиночку, на свой страх и риск, осваивать журналистское ремесло методом проб и ошибок. На помощь им пришли юристы из Центра правовой защиты СМИ. Обучение азам юриспруденции и правилам профессиональной безопасности стало постоянной темой образовательных семинаров в редакциях региональных изданий.

Группа экспертов в составе автора статьи, а также одного из старейших журналистов республики Юрия Топорашева, известного тележурналиста, в прошлом одного из руководителей Эдуарда Мельникова, высококвалифицированного юриста Андрея Бастунца уже по нескольку раз побывала с такими семинарами практически во всех регионах Беларуси, где выходят независимые печатные издания.

Со временем семинары стали носить сугубо профессиональный характер. Темы подсказывала сама жизнь. Потребовалось не только рассказывать о законодательстве, но все большее внимание уделять практической стороне журналистской деятельности. Разбор конкретных примеров журналистских ошибок вызывал живой интерес участников семинаров, поток заинтересованных вопросов, на которые требовались обстоятельные ответы. Активное участие в этих дискуссиях принимала молодежь.

В последнее время темой № 1 стала проблема доступа журналистов к информации. Семинары, проведенные в ряде регионов, показали, что этот вопрос, пожалуй, один из самых болезненных как для СМИ, так и для местной власти. При этом журналисты ищут пути подхода к чиновникам с целью получения

Семинары

Все наши творческие споры

Во имя стойкости и роста!

*Ведь репортеры — как саперы.
Все просто.*

от них общественно значимой информации, а те пытаются под любым предлогом ее не дать.

В рамках этой коллизии мы и региональные журналисты пробуем найти оптимальные варианты поведения. С этой целью мы знакомим участников семинаров с законодательной базой по данному вопросу и на ее основе определяем возможные пути подхода к информационным источникам. Как выяснилось, здесь особенно важно уметь строить деловые взаимоотношения с представителями структур власти. В этом плане мы имеем положительные примеры. К сожалению, их мало...

Поиск информации и труден, и опасен. В ходе семинаров мы предупреждаем журналистов от «дикой охоты» на новости, от соблазна использовать «сливную информацию», от полного доверия к своим «источникам». Как показывает практика, это может привести к большим неприятностям.

При проведении семинаров мы руководствуемся принципом: минимум теории, максимум практики. На конкретных примерах мы учим журналистов, особенно молодых, как поступать, чтобы избежать нежелательных последствий. Такое обучение позволяет как бы экстерном пройти ускоренную профессиональную подготовку.

Подобные семинары являются не только хорошей школой, но и своеобразными профессиональными клубами. В свободной, непринужденной атмосфере мы можем обменяться мнениями, поговорить о своих заботах, обсудить различные проблемы. В результате укрепляются связи с нашими коллегами в регионах.

В нынешней ситуации, когда профессия журналиста становится реально опасной, правовое просвещение является необходимым условием выживания. Центр правовой защиты СМИ при БАЖ будет прилагать все усилия для совершенствования и расширения юридического всеобуча журналистов.

Наши в городе. В Москве

Сергей СОЛОВЬЕВ

По праву можно утверждать, что белорус Дятликович — одна из легенд журналистики — к сожалению, российской.

В период летних отпусков отыскать его невозможно. Отдыхает? Работает «за себя и за того парня»? Впрочем, «Абазур» еще даст возможность побеседовать с Дятликовичем о перспективах белорусской журналистики за рубежом. А такие перспективы, судя по работе Виктора, есть.

Начиналось все плохо

Виктор Дятликович попал в Москву не по своей воле. Родился в Минске, в 1996 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, с 1992 года работал корреспондентом информационного агентства «БелаПАН», затем — специальным корреспондентом «Белорусской деловой газеты», редактором отдела политики еженедельника «Белорусская газета», корреспондентом «Радио Свобода», печатался в газетах «Известия» и «Коммерсантъ».

В августе 1997 года за репортаж о практически свободном пересечении белорусско-литовской границы в тюрьму попали Павел Шеремет и Дмитрий Завадский. Примерно через две недели в поисках доказательств оперативные работники провели обыски не только в минском офисе Первого канала, но и в квартирах его сотрудников, в том числе Виктора Дятликовича.

Наткнувшись в интернете на проект Виктора Дятликовича «Белорусская Москва», поневоле удивишься, насколько многогранен оказался этот человек. Газетный журналист, военный корреспондент, автор книги «Их МРОЯ» про становление и творчество легенды белорусского рока — «Мроі», а потом «N.R.M.», корреспондент ТВ-6, ТВС, Первого канала, а теперь корреспондент дирекции информационных программ ГТК «Телеканал «Россия». И создатель сайта, который утверждает: «Москва — столица нашей родины. Беларуси».

Виктор Дятликович — простой и «звездный»

В книге Павла Шеремета и Светланы Калинкиной «Случайный президент» эти события описываются так.

«19 августа. В Минске чекисты продолжали раскручивать «заговор ОРТ» против Беларуси. Около 11.00 в офисе Белорусского бюро ОРТ появились два офицера госбезопасности. Они пришли за Дмитрием Ново-

жиловым, редактором бюро. Накануне Диму предупредили о том, что ему лучше уехать из Минска, и он срочно отправился в Москву. В Минске оставались Ярослав Овчинников и Виктор Дятликович, наш новый корреспондент.

Чекистам дверь открыл Дятликович.

— Мы бы хотели переговорить с Дмитрием Новожиловым.

— Его нет, он в командировке в Москве.

— Разрешите, мы пройдем.

— Пожалуйста.

Сотрудники КГБ вошли, осмотрели офис, спросили фамилии тех, кто там в это время был. Действительно, Новожилова нет. Чекисты молча уходят.

Не успела за ними закрыться дверь, как на пороге появляется корреспондент газеты «Известия» Александр Старикович, который едва ли не силой уводит за собой Виктора Дятликовича: «Быстрее, пошли. Идут за тобой!»

Через пять минут в офис приходит вторая группа КГБ, но уже — за Дятликовичем.

— Нам нужен Виктор Дятликович!

— Его нет.

— А где он?

— Не знаем, куда-то вышел.

— Мы подождем.

Оперативники прождали три часа. Проверили документы у всех, кто был в бюро. Ушли «без добычи». Одновременно облавы сделали на квартирах Дмитрия и Виктора, но и там их не нашли. Виктор на машине друзей уехал в Москву и позвонил оттуда только через два дня.

Так Виктор Дятликович стал корреспондентом российского телевидения. В Москве. И стал не просто корреспондентом, а военным корреспондентом.

Военный корреспондент

За время работы на ТВ-6 Виктор Дятликович был, наверное, во всех «горячих точках» бывшей «зоны влияния» СССР. Таджикистан, Туркменистан, Чечня... Но, судя по его интервью, самое большое впечатление на него произвела командировка в Афганистан. А попал он туда весьма парадоксальным образом.

«Журналиста посылают в Душанбе, говорят: «Виктор, ты едешь на неделю в командировку в Душанбе», — а потом ты оказываешься в Афганистане на месяц с двумя чистыми майками и небольшим количеством денег, и все», — говорил Виктор Дятликович в интервью радиостанции «Эхо Москвы».

Тем не менее об этой поездке он совершенно не жалел. Он стал единственным корреспондентом российского телевидения, который оказался на линии фронта вблизи Кабула. «В основном журналисты сидят рядом с границей с Таджикистаном. Мы находились в 50 км от Кабула, 5 км от линии фронта, то есть фактически это самая ближняя точка к Кабулу, ко всем событиям, которые проис-

ходят в Афганистане», — рассказывал Дятликович.

«Кабульская командировка» — отдельный вопрос. Виктор Дятликович настолько же восторженно говорил об Афганистане, насколько восторженно его там воспринимали. Он верил в возрождение этой страны. «Афганистан — очень интересная страна. Если бы не война, то я бы сказал, что туда туризм можно организовывать. Хотя можно и военный туризм организовывать. Очень экзотическая страна, очень интересный народ. Я не жалею, что съездил туда, несмотря на то, что там идет война...»

Впрочем, об этом периоде работы Дятликовича уже пишут в художественных произведениях. К сожалению, автора этого отрывка, размещенного в Сети, установить не удалось, но тем не менее почитать его стоит.

«Говоря о Дятликовиче, который успешно сумел отсюда выбраться, я несколько успокаивался, у меня тоже появлялся шанс. Дятел попал сюда так же случайно, как и я, просто не

как с радостным криком — «Дятликович! Дятликович! Дятликович! Дятликович!» — как по команде, в секунду, будут пустеть многолюдные улицы и умолкать шумные базары чуть ли ни всех среднеазиатских городов — ну, по крайней мере, тех, где показывал «Шош-ТВ», и сотни тысяч человек, от младенцев до старцев, восторженно замирая у телевизоров, будут жадно ловить каждое русское слово этого худого и лохматого двухметрового белорусского парня с горящими глазами, серьгой в ухе и клетчатым моджахедским платком на шее. А он, Заратуштра на фоне походных костров, из самой глубины черной афганской ночи, будет вещать им о высоком боевом духе моджахедов Северного альянса, о бессмертных героях Масуда, о мире, что там, в Афганистане, покоится на рогах большой черной коровы, о скором наступлении — одно и то же, по семь раз за неделю. Но этим в основном ни бельмеса не понимающим по-русски людям было, скорее всего, все равно, что он говорит, — они любова-

было билетов на прямой рейс, причем, в отличие от меня, он не подозревал о существовании Абдусалома. И я не знаю, что нужно было сделать, что нужно было сказать всем этим людям, чтобы они не убили его на месте, более того, прониклись таким уважением. Правда, всего через несколько дней я и многие другие станем свидетелями тому,

лись им и любили его, как Гагарина. И эта ничем не объяснимая любовь была загадочной и невероятной. Это был его личный феномен, светлый феномен Дятла...

Фамильярность по отношению к Виктору Дятликовичу оставляю на совести автора сего отрывка. И пусть даже все это несколько преувеличено.

Но в каждой шутке — только доля шутки.

И тем не менее

И тем не менее тот, кто подумает, что дорога белорусского журналиста в Москве с самого начала выстлана розами, будет глубоко ошибаться. Работая на Первом канале, Виктор Дятликович делал сюжеты для программы «Время», которую тогда вел Сергей Доренко. И вместе с Сергеем Доренко Виктор Дятликович проиграл иск мэру Москвы Юрию Лужкову. Доренко обвинил мэра в том, что у последнего неизвестно куда исчезла крупная партия КамАЗов. Суд постановил взыскать 5 тысяч рублей с Сергея Доренко и тысячу — с Виктора Дятликовича, автора сюжета. Впрочем, Лужков требовал порядка миллиона рублей, поэтому такой приговор судьи в принципе можно считать оправдательным.

С переходом на ТВС у Виктора, как и у других журналистов, возникли банальные финансовые проблемы. На канале зарплату не платили по три месяца. Уже после ухода с ТВС Виктор говорил в интервью «Известиям»: «Мне, честно говоря, все равно, выплатят или не выплатят. Потому что то, что они возвращают, это оклад, который составлял примерно пятую часть от всей месячной зарплаты. Остальное — гонопар. Поэтому, если вернут мне эти деньги, хорошо — скажу спасибо. Будет у них хорошее настроение — вернут 500–600 долларов, плохое — 200–300. А если вообще не вернут — то ради этих денег по судам ходить не буду. Биться за 20 процентов и трепать нервы не вижу смысла».

Один Бог знает, как Виктор перебивался в Москве... Сейчас он — на РТР. И, работая на РТР, все равно мотается по миру, делая репортажи даже из... Антарктиды!

Белорусский след

Но, мотаясь по миру, Виктор Дятликович Беларусь не забыл. История группы «N.R.M.» — его

рук дело. А это четыреста страниц текста и фотографий.

«Не понимаю, почему раньше до этого никто не додумался, — говорил о своем решении написать книгу об «N.R.M.» Виктор Дятликович. — Уже несколько лет мы употребляем в прессе словосочетание «легенда белорусского рока», «легендарный альбом» (причем это касается не только «Мрой» и «N.R.M.», но и тех же «Уліса», «Крамы»), а книг про них нет. Биография группы — это же подтверждение легендарного статуса».

После рождения замысла книги Виктор Дятликович долго собирал материал, ездил с музыкантами на несколько фестивалей «Басовище», в туры по городам Беларуси. С каждым участником «N.R.M.» он провел многочасовые интервью, которые вылились в настоящий марафон.

Это же сколько нужно потратить времени и денег, фактически стоя одной ногой в Москве, второй — в Минске, чтобы написать 400 страниц практически «для себя»? «Для себя» — поскольку больших денег на таком издании заработать невозможно.

А ведь еще надо было успевать на основной работе! И находить время для создания уникального сайта «Беларуская Масква» (www.maskva.com).

Москва — столица Беларуси

В принципе, такого творения русскоязычный интернет еще не знал. Сайт является частным проектом Виктора Дятликовича, предназначенным для белорусов Москвы, которые интересуются жизнью белорусской диаспоры. Но подано все это в такой форме, что поневоле начинаешь верить: Москва — действительно столица Беларуси. Чего стоит только фотография одного письма Виктору Дятликовичу, адрес на котором: «Белоруссия, Москва, Дятликовичу».

«Мы собираем всю информацию о белорусских событиях в

Москве, о местах, где хоть что-то напоминает Беларусь; местах, куда можно обратиться за помощью и в поисках друзей. Еще мы даем возможность почитать кое-какие тексты — про белорусскую историю в Москве, про последние события, про людей белорусской Москвы, тексты и документы по поводу регистрации. А в последнее время нам и литературные произведения присылают.

Как мне представляется, на русскую страничку этого сайта заходят в основном москвичи. Вы нас, белорусов, не бойтесь. Нас в Москве всего-то тысяч 70–80. По крайней мере, статистики так говорят. И ведем мы себя тихо.

Я тут, правда, пошутил как-то, что это у нас оккупационная политика такая: приезжаем сюда тысячами незаметными, работаем, не высовываемся, а сами потихоньку занимаем должности ответственные, положение в обществе завоевываем. Однажды коренное население проснется, а мы уже у власти и объявили Россию частью Беларуси (или только Москву с Сибирью — остальная нищета нам зачем?). Только после таких шуток коситься некоторые на меня стали, а другие обиделись — зачем проболтался», — пишет Дятликович в разделе «О проекте».

Надежда умирает не последней

Вот такая получилась странная биография без участия главного героя. Впрочем, будем надеяться, что Виктор Дятликович в недалеком будущем вернется в Минск без риска быть задержанным, «приглашенным» на собеседования в суровые ведомства... Что найдет себе здесь нормальную работу, достойную его опыта. Например, возглавит какую-нибудь службу новостей уже на нормальном — белорусском — телевидении.

Згадкі пра Ігара Герменчука

Я ўспамінаю яго кожнага разу, калі хачу зразумець, як і адкуль зьявілася ў нас цікавасць да беларушчыны, якая стала ўрэшце зместам нашых заняткаў, а ў выніку — і жыцця. Відаць, сталася гэта ў той дзень, калі мы разам апынуліся за дзвярыма стацыянару факультэту журналістыкі. На іспытах недабралі балаў. І разам пайшлі на вечаровае аддзяленьне.

На журфак мы з Ігарам Герменчуком паступілі ў 1977-м. Яшчэ жывы Караткевіч, яшчэ Быкаў не напісаў свайго «Знаку бяды», яшчэ не надыйшла пяцігод-

Апроч таго, знаходзіцца час сустракацца на кватэры. Найчасцей — у Віталія Тараса. Музыку паслухаць, пагаварыць, пабыць разам...

Паездка ў Мір і ўражаньне ад тамтэйшага замку прыводзіць нас зь Ігарам у Ленінку — так тады называлі Нацыянальную бібліятэку.

А яшчэ ў той самы час зьяўляецца ідэя што-небудзь выдаваць. Пасья мы ўсё жыццё будзем друкаваць газэты, часопісы, кнігі. А тады ідэя выданьня зводзілася да стварэньня падпольнай друкарні.

Сьцяг ДУБАВЕЦ

Пачынаецца перапіска.

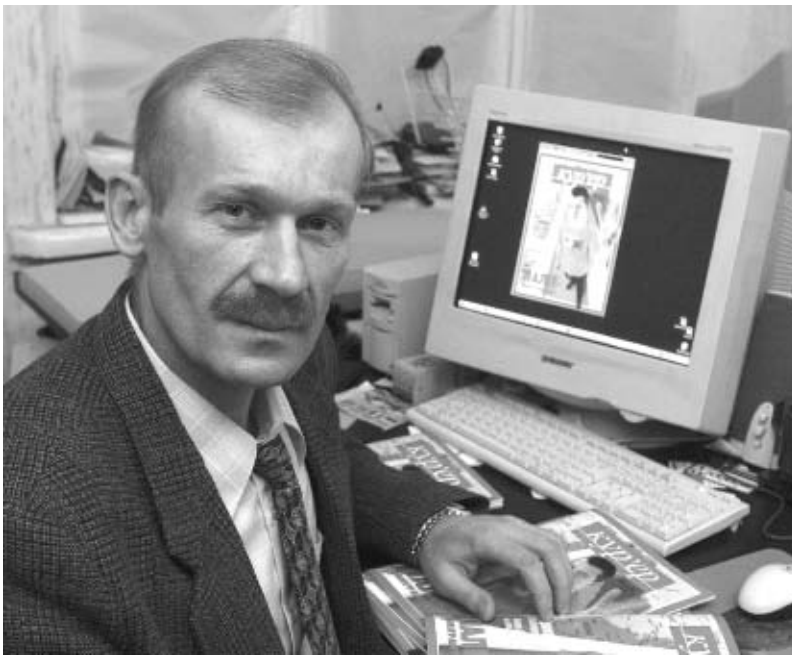
Ігар на паліграфкамбінаце сочыць за ўсім, што там друкуецца. Пра ўсё падрабязна піша мне. Ён таксама сядзіць у бібліятэцы — вышуквае рарытэты, якія пераздымае фотаапаратам. Да прыкладу, паэму «На Куцьцю» Янкі Купалы, якая ў той момант лічылася забароненым творам і ў выданьні паэта не ўваходзіла.

Зь ліста 30 сьнежня 1978 г., Менск:

«...Яшчэ ў хуткім часе пойдзе цікавая рэч — «Драйлянае дойдзтва Беларускага Палесься». Даволі тоўстая будзе. Бачыў пакуль толькі вокладку. Намалюваны такі магутны вятрак, потым цэркавак некалькі і яшчэ іншае. Будзе выдавацца Кароткая Энцыкляпедыя Беларускага, пакуль першы том. Напішы, ці браць табе.

Зараз займаюся ўвесь свабодны час у Ленінцы, зь Вінцуком часам. Знайшлі «На Куцьцю». Гэта такая рэч! Пайду ў нядзелю пераздыму апаратам, потым як-небудзь прывязу, пачытаеш. І «Геаграфію Эўропы» таксама буду пераздымаць. Ня я буду, калі не дастану ўсе творы Караткевіча.

Увесь час рыхтавайся да заліку на «Гісторыі друку Беларусі». Вось сёньня здаў. І ведаеш, як брыдка. Адзіны я толькі адказвай на мове. Што гэта такое, колькі ж гэта цягнуцца будзе? А гэтай Гусевай я так і ня здаў залік. Але, ну навошта мне, чалавеку, што ня мае нічога агульнага зь «великим

ка палітычных хаўтураў, і Брэжнеў трымаецца без «батарэек». На вечаровым журфаку збіраецца цёплая кампанія. Мы з Герменчуком пасья працы нудзімся на лекцыях, пачынаем пісаць. Ён — радок, я — радок, ён — радок, я — радок. Спачатку апавяданьні, пасья — п'есы і нават раманы. У працэсе да гэтае справы далучаецца Віталь Шхінян. Гермянчук працуе на паліграфкамбінаце імя Коласа, езьдзіць на электракары, Шхінян — на тэлевізіі, я — у гэце «На страже Окцябры».

Каб ня войска, тая эпоха не была б так падрабязна і дэтальна зафіксаваная на паперы — у нашых лістах.

«Во, — пісаў мне Ігар, — прачытаў у «Маладосці» нейкага Каханюўскага — дасылаю — каб жа нам так пісаць».

Мы тады яшчэ ня ведалі нікога з старэйшых і з тых, хто мог бы паспрыць нам у «беларусізацыі». Мы — вельмі вузкае кола: Вінцук Вячорка з сваёй яшчэ ня жонкай Арынай, Гермянчук і я. Мяне забіраюць у войска.

народом», ведаць, з чаго пачынаецца «Недоросль» Фанвізіна? Навошта мне Радзішчай? Тады ўжо давайце будзем і армянскую, грузінскую і іншыя літаратуры вывучаць. Дык не ж. Па нашай літаратуры дык невялічкі курс. А тут і XVIII, і XIX, і XX ст.».

Зь ліста 1 лютага 1979 г.:

«У хуткім часе ў нас будзе выходзіць Быкаў. Там яго апошняя аповесць «Пайсьці і не вярнуцца» і шчэ штосьці. Бардулін будзе таксама. Шамякіна штосьці. Калі што-небудзь цікава, я прывязу. Але Быкава трэ будзе пачытаць абавязкова. Бо піша ён надрэнна. Вайна — гэта таксама гісторыя. Для нас яна мо не такая ўсё ж далёкая, але ж нашчадкам патрэбны будзе Быкаў, як зара нам Караткевіч».

А ў гэтым лісьце гаворка ідзе пра «капэрты» — так мы называлі заплянаванае нелегальнае выданьне. Ігар выносіў з камбінату літаркі, якіх не ставала для падпольнай друкарні. Запуск выданьня, якое мусіла зьмяшчаць маніхвэст, мы называлі ў лістах «адпраўкай капэрты на конкурс». Гэты «запуск» адкладаўся. Спрэчкі вяліся вакол спосабу распаўсюду.

Зь ліста 5 сакавіка 1979 г., Менск:

«Ты зноў трымаеся сваёй пазыцыі на распаўсюджваньні капэртай. Вельмі ты ўжо найўна глядзіш на адпаведныя ўстановы, на іх магчымасьці. Адмаўляеш іх выхад на нас. Штосьці і ты, і мой Вінцук мне не падабаецца гэтымі сваімі прапановамі. Але зразумейце, што праз гэтыя вашыя ішляхі распаўсюду мы вельмі хутка будзем там, дзе камусьці гэта патрэбна. Патрэбны трэці ішлях. Трэці! Прамежны! Я ўжо рабіў некалькі сынтэзаў, але вынікі незадавальняючыя. Зразумей, што для сучаснай крыміналістыкі нават папера пахне цэлам яе ўладальніка.

Тут яшчэ думаць, думаць і думаць...»

Мы не былі антысаветчыкамі. Скажы нам тады пра «вьяртаньне да ленінскіх нормаў», мы б пагадзіліся і, бадай, спрычыніліся да яго. Іншая рэч, што мы ў тое вьяртаньне ня верылі, і гэта змушала нас усё глыбей спазнаваць прыроду ладу, у якім мы існавалі. А гэта ўжо вяло і да перагляду поглядаў на Леніна.

Зь ліста 10 траўня 1979 г.:

«Слухай, Сяргей, у партыю табе трэ ўступіць абавязкова, і мне таксама. Таму што першым пакараньнем нашым у якім-небудзь выпадку будзе выключэньне з партыі. Strata nievialikaja».

У нашай перапісцы мы ўвесь час згадвалі Мір. Гэта была прадуманая намі на двух навуковай праца, таксама яшчэ найўная, але тая, што «заводзіла» і прымушала гадзінамі сядзець у бібліятэцы, перагортваючы сотні кніг па-беларуску, расейску і польску, што мы рабілі, нібы цаліньнікі, паглыбляючыся ў загадкі Сярэднявечча. Чаму, скажам, уладальнік Міру — малады і дужы князь Юры Ільлініч — у 20 сваіх гадоў адпісвае Мір у спадчыну хвораму аднагодку князю Радзівілу Сіротку, які ледзьве трымаецца на гэтым сьвеце. Неўзабаве Ільлініч памірае. Каб дазнацца, як гэта ўсё адбылося, трэ было пераворваць горы крыніцаў. Здавалася, што пра гэтую фантастычную руіну — Мірскі замак — ня ведае ніхто ў сьвеце, і што нікому яна не патрэбная. А значыць, трэба дашуквацца зьвестак і імкнуцца ўсім пра іх расказаць.

Так мы пазнаёміліся з рэстаўратарам Валянцінам Калніным, аўтарам праекту аднаўленьня Мірскага замку. Калі Ігар застаўся адзін, ён працягваў нашы супольныя пошукі: «Ты ня думай, што мы толькі адныя працуем над гэтым. А Калнін? Памятаеш, ён паказваў нейкія пераздымкі архійных справаў? Дык вось што, я да яго хутка буду звяртацца наконт па-

сяджэньняў па Міры і разам папрашу ў яго ўсе гэтыя дакумэнты. І шчэ што трэ зрабіць, дык гэта схадзіць у выдавецтва «Навука і тэхніка» і паразмаўляць, як яны глядзяць на падрыхтоўку нашай манаграфіі (так, так, манаграфіі. Што? У цябе адразу зьяўляюцца з гэтым словам уяўленьні пра штосьці такое вузканавуковае? Ты памыляеся. Памятаеш манаграфію, такую зялёненькую, Кісялёва «Пошукі імя». Дык яна чытаецца, як найцікавейшы дэтэктыў»).

Гэта быў яшчэ адзін важны мэтадалягічны пошук — куды прыкласьці сілы, у якім жанры і ў якой галіне рэалізаваць сябе — пісаць раманы ці вершы (зрэшты, мы ўжо пладзілі і першае, і другое) ці сур'ёзна займацца гісторыяй, ці мовазнаўствам. Нібы Мірскі замак, уся агромністая Беларуска-бачылася нам закінутай і нікому непатрэбнай. І толькі грунтаўней паглыбляючыся ў яе, мы раптам сустракалі людзей, якія даўно і ўпарта займаюцца Беларускай. На журфаку быў такі выкладчык мовы Мікола Каваленка.

Ігар пісаў лісты на занятках, проста з натуры. Да прыкладу, **11 красавіка 1979 г.:**

«У Бардуліна ёсьць цікавыя радкі:

Менск.

Продак струны ціха кратаў.

Менск.

Правяраў лязо мяча.

І ўсё ў такім стылі. Гэта Мікола Каваленка прыводзіў такія прыклады па назыўным сказе. Дарэчы, на апошнім занятку гэты ж Мікола вась што сказаў: «Во да якога фіналу дайшлі. Нават цяжка знайсці чалавека сярод журналістаў, які б валодаў жывой мовай народу». Гэта ён расказаў пра Бураўкіна, які наведваў студэнтаў-выпускнікоў журфаку. І, цікавячыся, як яны адносяцца да мовы і ўвогуле да Беларусі, на якія тэмы пішуць, адбіраў сабе людзей. Выходзіць, чалавек зацікаўлены, калі сам падбірае сабе кадры».

Крыху раней пра тое, што Гендзв Бураўкін узначаліў дзяржаўны камітэт радыё і тэлебачання, мне пісаў Віталь Шхіньян. З прыходам Бураўкіна звязваўся спадзеў на вялікія перамены. Эрэшты, і цяпер ягонае кіраўніцтва асацыюецца з пэрыядам беларусізацыі беларускага радыё і тэлебачання.

...Праз паўгода пасыла мяне «загрымеў» у войска і Ігар Трапіў ён у Архангельск, на вайсковым жаргоне ў «Архару» — своеасаблівую расейскую цьмутаракань, пра што Ігар пісаў у кожным сваім лісьце. Тое, што яго забралі на службу, павялічыла аб'ёмы нашае перапіскі. Вось ягоны першы вайсковы ліст: «*Дзень добры, браце. Вось ужо з 14 траўня я сапраўды твой калега. Але самае горшае, што лёс закінуў мяне за цэльных дзеве тысячы кілямэтраў ад родных мясьцін. Як тут кажуць, у «горад трескі, горад тоскі». Зараз стаю днявальным. Тры гадзіны ночы. А на вуліцы сапраўдны дзень.*

Нашмат цікавей чытаць пра згадваных у перапіскі людзей, якія ўпершыню зьяўляліся на небасхіле нашага лёсу, асабліва тых, якія на гэтым небасхіле і застануцца на ўсё жыцьцё.

Зь ліста 8 сьнежня 1979 г., Архангельск:

«*Спытай у Вінцука, ці ведае ён такога Юры Цыбіна, здаецца, таксама член джаз-клубу. Вольны паэт. Асоба даволі цікавая, патрэбная. Гадоў 22—23-х. Зь ім не знаёмы. Ведаю толькі па гаворках, якія пачуў тут.*

Альбо яшчэ адзін прыклад.

Зь ліста 27 верасьня 1980 г., Архангельск:

«*Прывітаньне, братка.*

Зь месяц таму ў мяне была адна з самых прыемных сустрэч за апошнія паўтара гады. Неяк зайшоў павячэраць у сталовую. Стаю ў чарзе. Уперадзе невялікая група. З выгледу турысты. І тут пачуў, што барадаты, які стаіць наперадзе мяне, павёў гаворку на мове, з прыемнейшым беларускім вымаўленьнем. Я да яго.

Сапраўды, зь Менску. Яго і асататніх здзівіла, што на мове размаўляю. У іх было дужа мала часу. Сьпяшаліся ў аэрапорт. Ужо дамоў ляцелі. З хвілін дзесяць-пятнаццаць (пакуль стаялі ў чарзе і елі) гаварыў зь ім. У асноўным з гэтым барадатым. Назвайся Садоўскім, навуковы супрацоўнік зь інстытуту мовазнаўства. Да халеры знаёмае прозьвішча, думаю. Толькі адкуль, не магу ўспомніць. А неяк, перачытваючы «ЛіМы», якія ў апошні раз даслаў Вінцуку, зноў праглядзеў артыкул аднаго з чэрвеньскіх нумароў, у якім ідзе гаворка аб мове і вымаўленьні дыктараў бел. радыё, TV, артыстаў тэатра і г. д. Аўтар — гэты ж Садоўскі. Яшчэ больш стаў паважайць яго.

За гэты час напісаў апавяданьне і даслаў у «Маладосьць». Вось зара чакаю... пахаронку».

Яна сапраўды прыйшла. Фармулёўка была для 79-га забаўная: «У апавяданьні не раскрыты канфлікт». І гэта ў часы самага росквіту сацрэалістычнай бесканфліктнасьці!

Калі пісаліся апошнія лісты з Архангельску, у Менску ўжо дзейнічала Майстроўня. Мы абмяркоўвалі «хістку атмасфэру», што панавала ў ёй, ды ўсе свае ранейшыя клопаты і заняткі.

Выснова пра тое, чым і як займацца, была такая:

Зь ліста 1 красавіка 1981 г., Архангельск:

«*...Шмат пытанняў, вырашэньне якіх спрыяла б руху нашай справы наперад, можна падняць у друку. Дык чаму нам не займацца гэтым?! І менавіта так ты прынясеш больш карысьці справе. Калі мы жадаем дабіцца посьпеху, нам трэба дамагацца канкрэтных рашэньняў адпаведных органаў».*

Далей згадваецца адна з нашых акцыяў — патрабаваць у газэтных шапіках беларускі варыянт «Вячэрняга Мінску»:

«*Што датычыць формаў і мэтадаў, то, наколькі я інфар-*

маваны, яны за апошнія паўтара-два гады зьмяніліся ў нас не нашмат. Мы, мо, як і раней, купляем «Вячорку», абражаючы кіяскэраў?»

А яшчэ празь месяц Гермянчук вярнуўся, і патрэба ў перапіскі адпала. Наперадзе было шмат новых людзей, шмат усяго-ўсяго рознага, словам, цэлае вялікае жыцьцё, скажы нам пра якое тады, мы ні за што б не паверылі.

Ігар вярнуўся і аднавіўся на журфаку, але ў іншай групе, на дзённы аддзяленьні, бо вечаровае за гэты час зьліквідалі. Мы зноў былі разам. І яшчэ ня ведалі, што новая група, куды патрапілі, стане абсалютна ўнікальнай з усіх груп, усіх факультэтаў і ўсіх ВДУ. Яна дасьць ня толькі цэлую плейму вядомых сёньня журналістаў, але й некалькіх прафэсійных паэтаў. Праўда, двух расейскамоўных, адным зь якіх апекаваўся Рыгор Барадулін і ў якога нядаўна ў Амэрыцы згарэў дом, а другі ўзначаліць пісьменьніцкую арганізацыю Сахаліну. З нашай групы выйдучь такія прэзікі, як Астравец і Пятровіч, два палітыкі ўсебеларускага маштабу — Гермянчук і Навумчык, дэпутаты Вярхоўнага Савету. Людзі з нашага курсу робяць калыханкі на БТ і рэпартажы для РТР...

Цікавасьць да беларушчыны пачне нарастаць у геамэтрычнай прагрэсіі. Масавыя беларускія арганізацыі, шматтысячныя мітынгі пад бела-чырвона-белым сыягам, распад Савецкага Саюзу, нашы газэты, сапраўднае грамадзкае і сваё асабістае шчасьце і, натуральна, — цэлае мора расчараваньняў і перашкодаў, якія мы ўпарта штурмавалі да самага апошняга моманту, пакуль на тое хапала ў нас сілаў.

А шчырае юнацкае памкненьне заўсёды гучыць актуальна — што дваццацігадовае даўніны, што стогадовае, што з часоў Антычнасьці. Заўсёды актуальнае першае сур'ёзнае пачуцьцё.

Лучшая награда —

*Ежегодная премия
Дмитрия Завадского
присуждается лучшим
телеоператорам*

*Владимир Кормилкин (в
центре) — незабываемый
летописец борьбы за
свободу*

*Анатолий Майсеня
остался одним из самых
ярких политологов и
публицистов*

ДРУГ ЖИВОЙ И РЯДОМ...

*Так выпьем пару капель
За свободный кабель
И за независимый петит!
Пьем за тех, кто против,
Кто сидит напротив,
И за тех, кто в камерах сидит!*

*Уладальнікі
дыплама «за
ўсталяванне
свабоды прэсы на
Беларусі». 1998 г.*

*Журналисты канала ОРТ учредили премию имени
коллеги, который любил снимать, но не любил
фотографироваться*

Як беларускія журналісты літоўскі спецназ перамаглі

У апошнія дні лета, сярод не вельмі дрымучых, але грыбных літоўскіх лясоў, паміж Каўнасам і Таўраге, адбылася знакавая для беларускай журналістыкі падзея. Хаця яе ўдзельнікі займаліся ўсім, акрамя напісання ды рэдагавання артыкулаў: гулялі ў футбол, баскетбол, валејбол, пэйнтбол, перацягвалі канат, скакалі ля вогнішча...

Вынікі гэтай сустрэчы, безумоўна, можна назваць трыумфам беларускіх журналістаў: яны ў чарговы раз засведчылі шматграннасць свайго таленту бліскучай перамогай у футбольным матчы.

Мерапрыемства «Літоўскія журналісты за мір — 2005» другі год запар ладзіць Саюз журналістаў Літвы. Сёлета сур'ёзнасць намераў літоўскіх калег падкрэсліваў выбар месца для саборніцтваў. Падзеі раз-

гортваліся на тэрыторыі вайсковай базы матарызаванага пяхотнага батальёна, прыкладна ў 200 км ад Вільні. Напрыканцы жніўня на базу з'ехаліся журналісты з розных куткоў Літвы, а таксама госці з Беларусі, Украіны і Калінінградскай вобласці — агулам каля дзвюх соцень чалавек. Гаспадароў можна было пазнаць па чырвоных гальштуках з сімволікай Літоўскага Саюза журналістаў, гасцям жа выдалі зялёныя. Відаць, каб не бярэдзіць ранаў зусім недалёкага, так да канца і не пераможанага савецкага мінулага.

Пра маштабнасць мерапрыемства сведчыла прысутнасць (у якасці гасцей) міністра юстыцы Літвы Гінтаўтаса Бузінскаса (Gintautas Buzinskas), намесніка міністра абароны Гінтаўтаса Сівіцкаса (Gintautas Sivickas), начальніка войскаў генерал-маёра Валдаса Туткуса (Valdas Tutkus), а таксама кіраўніка фракцыі сацыял-дэмакратаў у літоўскім Сейме Ёзаса Олекаса (Juozas Olekas).

Натуральна, што літоўскім жаўнерам гэтка наплыў гасцей быў даспадобы: яны ахвотна адгукаліся на нашы жарты, падказвалі, дзе месціцца «стратэгічна важныя» побытавыя аб'екты, клапатліва прапаноўвалі цёплую вайсковую вопратку. Дарэчы, на чавалі мы ў вайсковых наметах, і цёплае адзенне шмат каму ўратавала здароўе. Тым часам немудрагелісты салдацкі харч ды палявая кухня дапамаглі канчаткова прасякнуцца вайсковай рамантыкай і набрацца рашучасці напярэдадні спаборніцтваў.

Беларуская каманда добра ўсведамляла, што яе асноўная задача — перамагчы ў футболе, дзе нашы хлопцы пачувалі сябе найбольш упэўнена. (Сёлета ў красавіку беларускія журналісты занялі першае месца ў Першым міжнародным турніры па міні-футболе «Кубак Вільні — 2005».) Аднак спаборніцтвы пачаліся з баскетбола, дзе каманда магутных «сабонісаў» з Шаўляя даволі лёгка перамагла нашых. Пасля чаго беларусы, крыху адпа-

чыўшы, і раззлаваліся, і здолелі-такі заняць другое месца ў падгрупе. На жаль, паўфінал і фінал адмянілі з-за моцнага дажджу.

Бліжэй да вечара ўсталявалася добрае надвор'е, і ўжо нішто не азмрочыла футбольнага трыумфу беларускай зборнай. Паводле правілаў, кожны матч доўжыўся 10 хвілін. За гэты мінімальны час беларусы паспявалі «насухую» выйграць практычна ва ўсіх сваіх супернікаў: украінцаў і літоўцаў (у тым ліку і ў фінале). Тую самую моцную каманду з Шаўляя «раскаталі» з лікам 2:0. А паміж матчаў яшчэ і паўдзельнічалі ў спаборніцтвах па перацягванні каната. Лагічна было б меркаваць, што хлопцы «выдыхнуцца» і пасля фіналу будуць ледзь цягаць ногі. Прынамсі, адмовяцца ад прапановы 20-гадовых літоўскіх спецназаўцаў згуляць з імі таварыскі матч. Аднак азарт аказаўся мацнейшы за стому. Гэта быў адзіны матч, у якім беларусам «закацілі» адзіны гол: сустрэча скончылася з лікам 2:1 на нашу карысць.

Насамрэч, у складзе нашай зборнай было тры дзяўчыны, але, паглядзеўшы на жарсці спартовых баталій, мы вырашылі не рызыкаваць здароўем і абмежавацца пэйнтболам і актыўнай маральнай падтрымкай мужчын. Вось яны, нашы пераможцы: Андрэй Бастунец (намеснік старшыні ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»), Аляксандр Старыкевіч (галоўны рэдактар газеты «Салідарнасць»), Уладзімір Багданаў (дырэктар выдавецтва «Гольфстрым»), Сяргей Гарай (намеснік дырэктара выдавецтва «Гольфстрым»), Ігар Рослаў (рэдактар часопіса «Аўтабаза»), Уладзімір Мацкевіч (карэспандэнт часопіса «Аўтабаза»), Фёдар Савіцкі (дызайнер часопіса «Аўтабаза»), Мікалай Дзябёла (журналіст газеты «Звязда»), Сяргей Вазняк (галоўны рэдактар газеты «Товариш»).

Ушанаванне герояў адбылося ўвечары. Чэмпіёны атрымалі памятныя дыпламы, а галкіпер

Вандройкі

Сяргей Вазняк — яшчэ і слоік марынаваных грыбоў. За тое, што не прапусціў падчас турніру ніводнага гала.

Добрае надвор'е трымалася ўсю ноч, так што ва ўсіх была магчымасць натанчыцца пад жнівеньскімі зоркамі, пагрэцца ля вялізнага вогнішча з кубачкам гарбаты ці з якім-небудзь «інтэрнацыянальным» напоем. Дарэчы, вогнішча прыдалося і пад раніцу, калі змерзлыя ў салдацкіх намётах госці рушылі да гарачага вуголля, каб ізноў сагрэцца.

Зрэшты, на паходнае жыццё ніхто асабліва не наракаў. Бо ў рамантыкі ёсць і адваротны бок: усе нязручнасці праз пэўны час мы будзем узгадваць як сапраўдныя прыгоды...

Лайфики

Сцены из новейшей истории

Леонид МИНДЛИН

2005-й. Диалоги

Телекамеру не любят, потому что она — свидетель. В нашем центре Европы не любят очень! И по возможности пресекают.

Life в переводе с английского — жизнь. Лайфики — изобретение тележурналистов: кусочки бытия в телерепортажах. Без закадрового текста, с «живыми» репликами, диалогами, интершумом. Автор решил олитературить лайфики в надежде соединить печатное слово с непечатным изображением. Премьера «Лайфиков» состоялась два года назад в журнале «Абазур».

Проведем эксперимент. Поставим штатив с профессиональной телекамерой, к примеру, на главном минском пятачке — от ГУМа до Дворца Республики. Всевидящее государство око — стационарные видеокамеры наружного наблюдения — тут же засекут вас. И

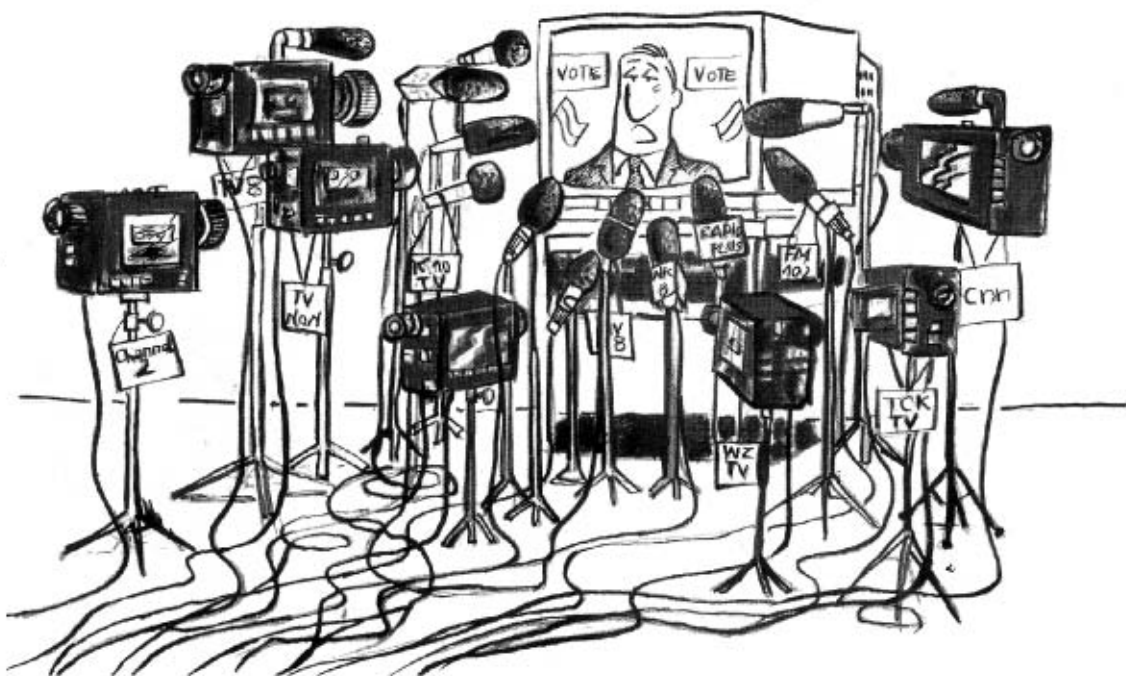
через пару минут появится плечистый омовский патруль и кто-нибудь в штатском.

— Что вы здесь снимаете?

— Согласно указу. Все, что не запрещено.

— А в какую сторону снимать будете?

— В ту, откуда ветер дует.

— Значит, опять чернуху для Запада и российских каналов...

Это первый вариант диалога. Возник он после выборов 2001 года. Заканчивается, как правило, стереотипно: «Не то будете снимать — отвезем в участок».

Второй вариант, модернизированный после выборов 2004 года.

— Что вы здесь снимаете?

— Stand up, разве не видишь?

— Какой еще «ап», разрешение на него есть?

Далее — небольшая перепалка, звонок в пресс-службу МВД, недовольная мина старшины.

— Ладно, снимайте. А что вы спрашивать будете?

Это и есть инновация — 2005. Раньше интересовались только картинкой, теперь — и звуком.

— Так какие вопросы задавать будете?

— Вопросы будем задавать правильные.

— А мы послушаем. Если неправильные, подкорректируем... в участке.

И тройца, радуясь собственному чувству юмора, демонстративно отходит на метр от телекамеры.

Диалог третий. Там же, в центре Европы.

Человек в штатском возникает из ниоткуда.

— Что вы здесь снимаете? (Тихим голосом.)

Журналист (нервно):

— Все, что не запрещено. Плитку тротуарную декоративную.

Человек в штатском (еще тише):

— Я вас очень прошу, давайте спустимся в подземный переход.

Журналист (обрадованно):

— Это что, арест?

Человек в штатском (доверительно):

— Понимаете, видеокamеры следят не только за вами, но и за нами, т. е. как мы следим за вами...

Журналист (ошалело):

— Ну?!

Человек в штатском (нежно):

— Ну, какая вам разница, где снимать! Перейдите на ту сторону, к ГУМу. Там не мой участок, не моя зона ответственности.

Нет, это не оруэлловская антиутопия «1984» с ее телеэкранами. Это какой-то новый, доморощенный жанр. Реалистический абсурд? Или абсурдный реализм?

1999-й. Почти love story

Весной оживает природа. И синхронно с первыми каплями и подснежниками оживает оппозиция. Она выходит на улицу, радуясь солнышку и общению после зимней спячки.

Власти это весеннее стремление оппозиции общаться и двигаться называют «несанкционированными акциями». И реагируют без всякой весенней лирики, приглашая организаторов в суд.

Происходит это вполне толерантно. Сначала спецоператоры снимают километры видеопленки. Потом милицейские чины выписывают повестки. И опера вкупе с участковыми вручают их уличным «преступникам», любезно улыбаясь... В этом есть что-то весеннее, греющее, несмотря на штрафы и сроки.

В числе организаторов очередной «вакханалии» (термин АТН) был гр-н М. Когда-то физик с почтового ящика, к 1999-му превратившийся в политлирика.

Ближайшие — после акции — перспективы его не пугали, но настойчивые утренние звонки в дверь энтузиазма не внушали. Тем более, что гр-н М. по случаю прихода политвесны был слегка «с бодуна».

Как человек толерантный, гр-н М. не выпрыгнул в окно, не забаррикодировал дверь, не спрятался под кроватью. Успокоив супругу, он, как был в семейных трусах, так и пошел открывать дверь.

— Гр-н М.? — вежливо, но строго спросил участковый.

Весна делает нас лиричными, невзирая на опасность, и организатор несанкционированной акции, ласково улыбнувшись, сказал:

— Нет, вы ошиблись!

— Как нет?! — удивилась опергруппа.

Надо отметить, что вручение повесток почему-то возлагали и возлагают на оперов из угрозыска — милицейскую элиту. Стрельба, погони, захват бандюганов — это привычно. А тут некто за пятьдесят, в семейных трусах...

— Так вы не М.? — рассеяно переспросили опера.

— Я друг жены М. — многозначительно подмигнул гр-н М., намекая на интимность информации и мужскую солидарность.

Сообщение о том, что оппозиционер М. еще к тому же и рогоносец, развеселило опергруппу. И потому не сработал профессиональный рефлекс попросить документы.

Как вспоминал потом гр-н М., операм очень хотелось узнать подробности этого адюльтера, но природная толерантность призвала их к политкорректности. Ну и к тому же весна... Они понимали этого лысоватого толстячка в семейных трусах. Еще ходок!..

— А вы не могли бы передать М. повестку? — застенчиво спросил участковый.

— Ну что вы, хлопцы, вы же понимаете, это неудобно! А куда повестка? Он же, вроде, непьющий!

— Ладно! — махнула руками опергруппа. — Сам в суд при-

дет. Только жену его предупредите.

Весна — она и для оперов весна. И они решили сберечь эту маленькую тайну запретной любви, бросить повестку в почтовый ящик.

В суд гр-н М. пришел, получил штраф. И здесь же, в суде, рассказал мне свою love story.

1994-й. Третья инаугурация

— Все, мужики, кончай курить! — сказал крепыш в черном костюме. — Президент едет.

Черный «мерс» замер у подъезда. «Мужики» образовали коридор, и первый президент РБ стремительно вошел в фойе Белтелерадиокомпании.

— Третья инаугурация, — съехидничал кто-то.

До этого была присяга в Овальном зале Верховного Совета.

Потом — визит в Кремль, к «царю» Борису. Непонятного пока борца с коррупцией принимали по-византийски.

И вот третья инаугурация: запись интервью для телепрограммы «Момент истины». Андрей Караулов представляет российской публике Александра Григорьевича Лукашенко.

Это было покруче, чем хождение по кремлевским кулуарам.

Он шел в студию, как на коронацию. Он был уверен в триумфе.

Сзади поспешал первый пресс-секретарь, любимец телевизионных гримерш. Они не раз порхали вокруг него, тонируя щеки накануне съемки... Это была и его инаугурация, его триумф. Рейтинговый «Момент истины» ярче, чем официальные церемонии, презентовал победу, вводил в круг постсоветского истеблишмента.

— Смотрите! — хихикнула юная журналистка. — А костюм у президента, наверное, еще депутатский. М-да, не Версаче! — и с тревогой глянула на пресс-секретаря: услышал или нет?

Так и запомнилась третья инаугурация: впервые сказанное о себе в интервью слово «бацька»; алеющие щеки первого пресс-секретаря; искреннее до удивления после интервью восклицание Караулова: «Великолепно!»; далеко не шикарный президентский костюм.

На следующий день, встретившись с Карауловым в монтажной БТ, я спросил о его вчерашнем герое.

«Этот человек власть не отдаст. Он скорее пулю в себя пустит, но будет драться до последнего».

Спустя одиннадцать лет Александр Лукашенко повторит тезис о «последней пуле» Олегу Попцову, шефу телеканала ТВЦ. Впрочем, нынешние «Моменты» — давно не истина.

